

Андрей

Бинев

**Операция
"Пальма -
ДВА"**

Дороги участников нашумевшей «рыбной» истории теперь вели в Западную Европу, где они учились двум вещам: во-первых, экономить на второстепенном, а во-вторых, поглядывать на свою великую отчизну как на старую добрую малограмотную мать, от которой всего можно ожидать — и неожиданных проклятий, и дорогих подарков. Что ж делать, коли не повезло ей с мужьями.

Андрей Бинев

**Операция «Пальма-два», или
Большое плавание рыбаков**

«Автор»

2010

Бинев А.

Операция «Пальма-два», или Большое плавание рыбаков /
А. Бинев — «Автор», 2010

ISBN 978-5-373-03342-8

«Очень-очень давно, когда промерзшую насквозь советскую землю, жаждавшую бурной весны и преисполненную надежд на тепло и солнце, вдруг стало заносить холодной снежной крупой безнадежности, когда вспухшие от напрасных ожиданий беспокойные людские воды огромной страны, вопреки «метеорологическим» прогнозам неисправимых оптимистов, застыли ледяными торосами, разыгралась удивительная история, в которой оказались замешанными многие персоны с известными и неизвестными широкой общественности именами. Произошло это во второй половине шестидесятых годов двадцатого столетия в конце второго тысячелетия от рождения Христа...»

ISBN 978-5-373-03342-8

© Бинев А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	45
Глава 15	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Бинев

Операция «Пальма-два», или Большое Плавание Рыбаков

*«Смилуйся, государыня рыбка! Пуще прежнего старуха
вздурилась!»*

А.С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке».

Пролог

Очень-очень давно, когда промерзшую насквозь советскую землю, жаждавшую бурной весны и преисполненную надежд на тепло и солнце, вдруг стало заносить холодной снежной крупой безнадежности, когда вспухшие от напрасных ожиданий беспокойные людские воды огромной страны, вопреки «метеорологическим» прогнозам неисправимых оптимистов, застыли ледяными торосами, разыгралась удивительная история, в которой оказались замешанными многие персоны с известными и неизвестными широкой общественности именами. Произошло это во второй половине шестидесятых годов двадцатого столетия в конце второго тысячелетия от рождения Христа.

Виной всему была огромных размеров рыба – необыкновенный экземпляр сибирского осетра. Но никто бы и не вспомнил о нем, разрезающем своими острыми плавниками гигантскую акваторию Оби, если бы на близкий к этим местам космодром Байконур не приехал один выдающийся человек: высокий, худой французский дворянин, человек крайне суровый и смелый. Был тот дворянин в генеральском чине и в президентском ранге. Звали его – Шарль де Голль.

Генерал и президент великой Франции привез в Советскую Россию «французские глаза» – тонкие, чувствительные оптические приборы известной фирмы, которые со всеми предосторожностями установили на русской космической ракете «Восток».

Вероятный противник Советской страны, соединенный в пятьдесят относительно свободных штатов в Западном полушарии планеты («относительно» – потому что в мире всё относительно!), был серьезно уязвлен. Это добавило порцию тихой радости в космическое событие на Байконуре и трескучих разрядов в и без того напряженную тонкую нервную сеть мирового общечеловеческого организма. Отметить такое событие решила, прежде всего, принимающая сторона. Как водится еще с времен, упомянутых великим Карамзиным в его многотомной «Истории Государства Российского», дорогие гости были обречены на богатые и завидные дары.

Долго ли думали, или, по обыкновению, нет, подчинили ли сердце разуму, или удовольствовались привычным эмоциональным импульсом (сейчас этого уже никто не скажет с достоверностью), но факт остается фактом: высших руководителей обширной и мощной державы посетила необыкновенно оригинальная идея. Дело в том, что традиционная форма ракеты «Восток» напомнила кому-то очень наблюдательному и, несомненно, остроумному совершенные черты сибирского осетра. Решено было изловить этого гиганта в реке Оби в качестве недвусмысленного символа и преподнести в дар президенту де Голлю, но не в виде кулинарного изыска, а в самом что ни на есть одушевленном состоянии. Если, конечно, будет позволено применить к представителю фауны слово, однокоренное со словом «душа»!

И закипела работа! Штаб в «пожарном порядке» был создан в огромном промышленном и культурном центре Сибири – в Томске. Операция сопровождения генерала де Голля,

получившая еще в Москве кодовое название «Пальма-Один», начинала набирать обороты и с каждым днем все больше и больше усложняться. Несмотря на строжайшую засекреченность целей, средств и методов оперативной работы, слухи о поиске удивительного живого подарка поползли по городу, добрались до Москвы и даже пересекли океан. Шторм зрел глубоко под поверхностью воды, хотя сторонний наблюдатель, не обладавший ни знанием, ни опытом, ни разведывательной информацией, не заметил бы и незначительной ряби. Оттого еще более неожиданным явлением стала вырвавшаяся кверху неумная энергия первенства, гостеприимства и государственной целесообразности. И несмотря на острую конкурентную борьбу за то, чья рыба обрадует президента Франции, да и без оглядки на здоровую состязательность двух разных, не очень дружественных команд, победила общая настойчивость и целеустремленность. Из одной из пойманных рыб все же сварили не то больше тонны ухи, не то ее разделили на стратегический консервный запас для небольшого сухопутного соединения. А может быть, отпустили обратно в глубоководную сибирскую реку. Но главное состояло в другом – восторжествовала лихая или даже, точнее сказать – удалая советская мысль, рожденная в веселой, рискованной суете под строгим наблюдением компетентных и руководящих органов.

«Подарок был вручен президенту и отправлен в живом виде в Париж». Эта скупая строчка в ежедневной томской газете не могла вобрать в себя всю драматичность ни прошедших, ни дальнейших коллизий. Но история все же почти забылась, как забывается всё в этом суетном мире – и люди, и их дела.

Мельчайшие подробности той рыбалки запали в память лишь посвященным. Спроси сейчас какого-нибудь верхогляда, как все проистекало, вряд ли он сумеет припомнить что-нибудь существенное, кроме забавных, почти гротесковых обстоятельств. Однако же задача была поставлена с такого политического Олимпа, что гротеск, содержащийся в самой ее сути, переставал быть таковым, а, напротив, даже становился, не много не мало, важным государственным заданием.

Незаметный человек Артур Егорович Петров, прозябавший в те годы в одном из крупнейших городов Сибири и обреченный всего лишь на скромную околомноменклатурную карьеру, вдруг был вынесен судьбой в эпицентр буквально планетарных событий. Одно лишь то, что он, веселый рыбак с жуликоватыми замашками провинциального комсомольского функционера, неожиданно свершил невозможное по тем временам – обошел на крутом, рискованном вираже куда более перспективных номенклатурных чиновников, уже заслуживает внимания. Именно ему было поручено поймать гигантскую рыбу и передать ее руководству для вручения великому французу в качестве живого подарка от имени всей огромной, лежащей в ленивой неге, державы. Судьба свела его с не менее скромным человеком, которому тогда и в голову не могло прийти, что его секретная служба когда-нибудь станет проводить тайную операцию по отлову в Оби необыкновенного живого подарка – на зло врагам и на радость родине и ее друзьям. Чекист Александр Васильевич Власин, а этой скромной персоной был именно он, давно уже к тому времени поставил крест на своей офицерской судьбе и не мог даже мечтать не только о дипломатической карьере в Западной Европе, но даже о том, чтобы вернуться домой в Москву, к старенькой бабушке и к одинокой маме. А тут нежданно-негаданно такое свалилось с самого верха, что аж дух захватывало!

Кому могло прийти в голову, что немая остроноса тварь, годная лишь на то, чтобы метать икру и в конце концов попасть на стол номенклатурным бонзам, сыграет роль буксира, вытянувшего на яркий свет из безвестности десятки маленьких людей! Многие из них вследствие этого сделали блестящие карьеры, а некоторые известны даже и теперь своими широчайшими возможностями и безнаказанными амбициями.

Рыба сыграла свою роль и в самой секретной части мировой политики – в противостоянии советской и американской разведок. Предприимчивые ребята в Лэнгли сумели сделать нужные выводы из того, с чем столкнулись. Сначала они, правда, приняли операцию «Пальма

Один» за один из самых решительных актов стратегического наступления русского и французского оружия. Но это лишь потому что никто и представить не мог, что столько сил и средств будет потрачено мощной ядерной державой всего лишь на отлов подарка правительственному гостю. Непримиемые противники СССР в Лэнгли изучали в процессе «операции противодействия» не только сам подарок, принятый ими сначала за новейшее оружие, не только психологию дарителей, но и своё собственное душевное состояние. И пришли к утешающему выводу: мы все похожи друг на друга и можем преодолеть всё – начиная от фальшивой ядерной тревоги и кончая тяжелейшим политическим кризисом. Мы, решили парни в Лэнгли и в Белом доме, совершенно здоровы с точки зрения современной психиатрии. В СССР же, и в руководстве его нынешнего исторического наследника, таким вопросом, слава Богу, даже не задавались. Просто не возникало внутренней потребности.

Рыбалка в акватории Оби стала одним из этапов в новых советско-американских отношениях, первым из которых был, в свое время, Карибский кризис. Как вышли из него с честью и достоинством (с минимальными потерями), так же блестяще вышли и из этой «осетровой драмы». Главным интеллектуальным багажом стала военная и политическая доктрина о том, что даже случайный набор всякого «несущественного» и, порой, «несуществующего» может с большим успехом составить очень и очень «существенное». Современные нам события, сначала на Балканах, потом в Ираке, убедительно доказывают это всему изумленному человечеству.

Американские разведчики и политики сделали не только сугубо профессиональные выводы по окончании советской секретной операции «Пальма Один», что составило, как уже было сказано, их неоценимый интеллектуальный багаж, но достигли и кое-чего более прагматичного: некоторые из них свершили эффективный карьерный прыжок в будущее. И всё рыба! Большая мудрая рыба, которую даже не спросили, хочет ли она быть отправленной в живом виде в Париж, или ей все же лучше остаться в Оби и продолжать метать икру и лениво разрезать свинцовую воду своим острым носом. Не спросили не только потому, что рыбы, как известно, немые, и их вообще ни о чем никогда не спрашивают, но и потому, что в Большой Политике вообще не принято интересоваться у кого-либо, нравится ли ему быть съеденным сразу или сначала все же оказаться плененным и лишь потом – расчлененным на мелкие куски.

То, что в дальнейшем произошло со многими героями Большой Рыбалки (составной части Большой Политики), многим, наверное, показалось бы новой, самостоятельной историей, и лишь единицы, склонные к тонкому размышлению и анализу, поймут, что, как инверсионный след за гигантской рыбой никогда бы не появился без ее сигарообразного, мощного туловища, так и последующие события никогда бы не случились без тех, что остались в далеком прошлом, почти на излете слякотных, подмерзавших шестидесятых.

Глава 1

С тех пор минуло двадцать четыре года. Кто знает, сколько воды утекло по руслу Оби и Енисея, или даже Сены! Младенец, родившийся в минуту, когда на сцену городского Дворца Культуры выкатили гигантскую рыбину, успел за это время нахватать двоек в средней школе, отслужить срочную службу в армии и закончить один из многочисленных факультетов местного университета. А кто-то, быть может, постарше, уже обзавелся семьей, развелся, заново женился. Девушки середины 1960-х стали зрелыми женщинами, зрелые женщины – бабушками, а бабушки переместились из своих временных квартир в вечные, тесные и душные. Словом, жизнь катилась в привычном фарватере, то заходя на глубину, то срываясь еще дальше вниз, то загорая под солнышком на мели.

Все участники тех далеких событий давно покинули родной Томск. Он оставался для них лишь «малой» родиной и посещался ими изредка во время отпусков или случайных командировок.

Саша Власин, теперь уже полковник, с незапамятных времен жил с женой в Париже, неся секретную службу на благо отечеству в одном из советских загранучреждений. К счастью, служба его была не слишком обременительной и даже позволяла порой отвлекаться на неспешные раздумья о смысле жизни, о судьбах человечества и о том, что ожидает его соотечественников, в том числе, тех, кого занесла нелегкая в стан «вероятного противника».

Дороги участников нашумевшей «рыбной» истории теперь вели в Западную Европу, где они учились двум вещам: во-первых, экономить на второстепенном, а во-вторых, поглядывать на свою великую отчизну как на старую добрую малограмотную мать, от которой всего можно ожидать – и неожиданных проклятий, и дорогих подарков. Что ж делать, коли не повезло ей с мужьями, любовниками, соседями и погодой! Куда денешься, матушка, от собственных детишек и их сумасбродных идей?!

Именно такие мысли иной раз за рюмкой водки, пастиса или кальвадоса посещали начавшего стареть Александра Васильевича Власина, тем более, что модная и совершенно недостижимая для большинства его соотечественников Франция будила в нем тихую печаль, поскольку был он искренним патриотом своей собственной страны.

С этим и жил в Париже стареющий Саша Власин, полковник советской разведывательной резидентуры, сотрудник внешнеторговой организации по экспорту-импорту чего-то очень сложного и не очень нужного. Рядом с ним тихо прозябала его жена Анна Гавриловна. В Москве оставалось двое их взрослеющих детей, которые научились к излету коммунистического режима вполне осознанно шалить и хитрить. В самое ближайшее время этому предстояло научиться целой стране.

Саша же Власин давно заматерел, обзавелся небольшим брюшком, с которым отчаянно боролся, и даже поседел немного. Тем не менее, прибавилось европейского лоска, округлости, вальяжности.

Ему удалось пережить всех генеральных секретарей, их доверенных послов и резидентов. Брежнев, Черненко, Андропов... Дождался и Горбачева. Во время короткого периода правления Андропова полковник Власин был вынужден вернуться в Москву, но верный товарищ, генерал Смолянский, вновь поспособствовал его уже четвертой по счету командировке в Париж. Тем более что самого Смолянского на некоторое время, до выхода на пенсию, назначили туда в качестве временного резидента КГБ СССР и лишь позже он был переведен в США, откуда и утек в стан «вероятного противника».

С Горбачевым дело обстояло одновременно сложно и легко. Требовалось понять, является ли его политика «открытости и гласности» лишь кратким эпизодом нового партийного строительства, или же прошлое отсечено раз и навсегда. Это относилось к разряду особых

сложностей. Но было во всем этом и нечто приятное, почти праздничное. Словно Первомай, плавно перетекающий в следующий майский праздник. А между двумя этими праздниками – солнце, улыбки, ненаказуемое пьяное веселье, ожидание еще более теплого, роскошного лета.

С симпатией и дружескими улыбками стали поглядывать на советских разведчиков – дипломатов и торговцев, силы местной безопасности, представленные ежедневно несколькими бригадами сыщиков-наблюдателей в одних и тех же автомобилях около советских загранучреждений. Разведчики и контрразведчики дружески раскланивались, улыбались, а один молодой французский сыщик даже как-то крикнул полковнику Власину: «Привет, комарад! Горбачев, гласность, перестройка!» Власин в ответ улыбнулся и приветливо помахал рукой.

В тот день он привычно кружил на своей машине по городу, «проверяясь», нет ли за ним «хвоста», и, обнаружив его, с облегчением вздохнул. Ценят еще, не забывают...

Однако в нужный момент он сумел оторваться от французских контр-коллег, запарковать авто в муниципальном подземном гараже и нырнуть прямо оттуда в метро. Еще час кружения по городу: то поверху, то понизу, и, окончательно убедившись, что «хвост» оторвался, он пошел на встречу с местным агентом. Агент «Бальзак» служил в одной из газет в должности полицейского репортера, сносно говорил по-русски, так как происходил из старой белоэмигрантской семьи, и уж совсем по-русски хлестал водку, закусывая ее мочеными помидорами и исландской селедкой с вонючим маринадом.

– Я больше не буду на вас работать, месье! – нагло заявил чуть пьяный агент, развалившись на стуле в дешевом алжирском ресторанчике в районе Дефанса.

– Что-то не так? – поинтересовался полковник Власин.

– Все не так! Горбачев нас предал!

– Не понимаю.

– Все вы понимаете! Горбачев – шпион. Английский шпион и масон. Я не буду работать на страну, которой руководит предатель. А вы, месье?

– Глупости! Кто вам такое сказал?

«Бальзак» упер указательный палец себе в лоб.

– Месье, у меня есть мозги. Ваш президент предатель, а его жена – коварная баба!

– Вы несете чушь! Горбачев – политик, а Раиса Максимовна – достойная дама, мать семейства и любящая жена. Вы пьяны, черт вас побери!

– Трезвее некуда, мсье. Заплатите мне за месяц и забудьте меня...

– Ничего не получите!

– Тогда я иду в полицию. Вас выкинут отсюда, как паршивого пса.

– А вас посадят на четверть века.

– Дудки, мсье. Я буду давать интервью направо и налево. Я расскажу, чего стоят ваши дурацкие перестройка и гласность. Меня будут слушать. А потом опубликуют сумму гонораров, которые мне выплатят за мои откровения. Знаете, что последует за этим?

Власин знал, но молчал, кусая губы.

– Вижу, что знаете. Все ваши местные агенты побегут в полицию и встанут в очередь за гонорарами. Они, конечно, просчитаются, потому что платят только первому и второму. Первому за то, что он первый, а второму за то, что операция по раскрытию русской агентурной сети в Западной Европе набирает ход. Как вам такой поворот, коллега?

– Чушь! Вас никто не станет слушать.

– Может, пари? Не хотите? Это не предусмотрено вашими секретными приказами? Думаю, нет. Так что платите или я пойду с этим коммерческим предложением в нашу политическую полицию.

– Сколько вы хотите?

Агент ухмыльнулся и что-то нацарапал ручкой на салфетке. Власин побледнел – это был провал. Таких денег не получал даже он, резидент, за три года работы в Париже.

– Это невозможно. Я должен посоветоваться.

– Как меня ликвидировать? Не выйдет. Все предусмотрено. Я – репортер. А репортер, мсье, это сыщик наоборот. Вас пускают только на кухню, а нас – в гостиную. Между нами лишь тонкая фанерная дверь, но правила неизменны для тех и других. Главное – подготовить «отход». Ведь вы так меня учили? Я благодарный ученик. Так что гоните монету и скажите спасибо, что легко отделались.

Власин поднялся и растерянно кивнул. Он шел к выходу, а ему в спину агент-репортер развязно кричал на все заведение:

– Сообщите о месте встречи как обычно, мсье! У вас два дня!

Не соблюдая правил и порядка конспирации, полковник Власин быстро добрался до подземного гаража, разыскал свою машину и, задев в спешке бампером стойку на выезде, помчался в посольство.

Резидент, генерал Андрей Сергеевич Сергеев, отреагировал на его сообщение в «подводной лодке» в посольстве СССР на удивление спокойно. Это странное помещение с тяжелыми двойными дверьми, без окон, окруженное длинными коридорами, с низкими потолками, называли «подводной лодкой» или «субмариной», намекая на то, что здесь так же «глухо», как на дне океана – ни тебя никто не услышит, ни ты никого. Многие утверждали, что иностранные спецслужбы дорого бы заплатили за то, чтобы «поплавать» где-то рядом и приложить ухо к стенам «субмарины», но Власин относился к этому скептически, недоверчиво. Он не верил в герметичность тайн вообще.

Как же, размышлял он, организм может существовать без свежего воздуха? Неминуемы отравление и смерть. Власин, конечно, имел сюда допуск, более того, исправно пользовался одним из кабинетов – тоже без окон, с двойной дверью, железным ящиком-сейфом в углу и тяжелым столом в центре комнаты. Обстановку дополняли дубовый стул и старый массивный секретер. Рабочий кабинет резидента отличался немногим – чуть больше площадью и еще один стул для посетителя. Был еще, правда, и небольшой холодильник для напитков. Телефонов здесь не имелось – только устройство внутренней связи из комнаты в комнату, да еще одноканальный аппарат, связывающий с дежурным помещением охраны посольства.

Власин рывком открыл дверь к резиденту и выпалил сразу все, что только что пережил.

– Ты уже шестой, Власин. Они как сговорились.

– Что делать?

– Плевать на них! Пусть бежит в свою полицию. Получит там по заднице, и все дела...

– Почему по заднице?

– Так принято, брат! Непременно по заднице. Или у тебя есть другие предложения?

– Я не о том, товарищ генерал. Мне все равно, по какому месту ему дадут, но мне не все равно, по какому попадет мне.

– А ни по какому. Вот гляди.

Генерал Сергеев кинул через стол Власину листок. Тот спланировал перед ним, словно бумажный журавлик, запущенный легкой детской ручкой. Это была очередная шифрограмма из Москвы.

«Обеспечить оперативную безопасность визита. Информировать обо всех изменениях и проблемах в связи с этим...»

Там было еще что-то, но полковник Власин только пожал плечами.

– Что это значит?

– Горбачев приезжает с супругой. Официальный визит. А знаешь, о чем он еще здесь будет беседовать?

Власин покачал головой.

– О тебе, обо мне, о нас....

– О ком это о нас?

– О советских разведчиках. Вот о ком.

– Не понимаю. Ничего не понимаю!

– Сокращать будут резидентуры, и наши, и их. Амнистия, брат. На обе стороны. Так что пусть твой репортеришка бежит куда хочет. А лучше сразу в дурдом! Думаешь, французские коллеги на такой желтый скандалчик большую политику разменяют? Не тут-то было! В дурдом твоего агента!

Генерал громко захохотал и достал из темных недр своего стола бутылку водки, две стограммовые граненые рюмки на тонких ножках и блюдо с нарезанным лимоном. Горлышко бутылки звякнуло о рюмочки, прозрачная жидкость сладко булькнула, вызвав у Власина прилив обильной слюны, и советские разведчики с облегчением выпили. Власин крякнул и кинул вдогонку дольку лимона. Генерал сделал то же самое. Сразу разлили по второй. Выпили, крякнули, закусили. Перед третьей генерал осоловело и добродушно взглянул на Власина.

– Не скули, полковник! Ты ж полковник, а не лейтенант. Сам все должен понимать. Оставим мы тебя на Парижщине. Ей богу, оставим! Давай еще по одной...

Власин кивнул. Сказано – сделано. Крякнули, закусили.

– Иди, брат, к себе. Сдавай на своего «Бальзака» дело в архив, как на утратившего разведвозможности. Припиши, что заболел... головой. Опасен, мол... и все такое. Ты ему больше не звони. Ну, будь здоров, полковник!

Власин поднялся и пошел к выходу. Сергеев крикнул ему вслед:

– За журналюг ты будешь отвечать! Во время визита. Понял?

– Есть! – неожиданно звонко отозвался полковник. – Отвечу, товарищ генерал.

Глава 2

Самолет летел весело. Борт «гудел» не столько мощными турбодвигателями, сколько разудалой журналистской братией из эскорта первого и последнего советского президента. Водку, коньяк и виски пили и «сопровождающие лица» – кремлевские пресс-секретари, офицеры службы безопасности и мелкие безликие чиновники. Это был так называемый «головной борт». Он приземлялся в Париже раньше президентского на несколько часов.

Егорыч сидел, зажатый с одной стороны телерепортером, а с другой – коллегой из информационного агентства. Все были в предвкушении Парижа, удобного отеля и дармовой выпивки на посольском приеме. Начали уже здесь, за свой счет, то есть припасенным в дорогу заранее.

– Где только ни бывал – в Берлине, в Бонне, в Вене, в Риме, в Лондоне... А в Париже, мать его, ни разу! – кричал Егорыч в никуда, потому что вокруг уже никто никого не слушал, а каждый нес веселую околесицу о себе, о своей тяжелой журналистской доле, о начальстве, женах и подругах. – В Берлине, в нашем, – пять лет, – загибал Егорыч пальцы, – в Бонне – два года, в Западном Берлине, в ихнем, – два года, потом обратно в Восточном – еще четыре... Итого... – Он задумался, морща лоб. Потом просветлел. – Чертова дюжина! Во сколько! Поносило меня!

Егорыч многозначительно блеснул на коллег глазами. Кто-то из них, икнув, сунул ему в руку пластиковый стаканчик с коньяком:

– Пей, герой! Французский, качественный.

– Качественный можно! – согласился Егорыч и разом опрокинул содержимое в глотку.

Вздрогнул и покраснел. Качественный коньяк запросился назад. Но по всему было видно, что Егорыч имел опыт в его поглощении. Поэтому преодолел приступ тошноты и с облегчением развалился в кресле.

– Париж... – мечтательно произнес он. – Никогда не бывал! А ведь многое связывает. Можно сказать, жизнь началась с Парижа. Моя жизнь, братцы, с него, с Парижа, и началась!

Его никто не слушал, но Егорычу это было безразлично. Он зажмурился, сиюсь вспомнить что-то из своего «парижского» прошлого, но вдруг провалился в сладкие дремотные глубины, оповестив об этом ближайших соседей мощным раскатистым храпом.

Самолет мазнул колесами шасси по посадочной полосе, и все разом очнулись. В салоне стоял тяжелый перегарный дух. Голову ломило, глаза слезились от сигаретного дыма и усталости, лица побледнели.

Кто-то из президентской администрации собрал паспорта и унес их. Трап подали быстро, без проволочек. Человек с паспортами сбежал вниз и, сопровождаемый учтивым французским полицейским, пошел в сторону аэровокзала. Тем временем журналисты, охрана и чиновники уже стояли возле трапа, прижимая к себе сумки, камеры, штативы и прочую поклажу.

Подогнали автобус, на стекле которого было начертано: «Пресса». Быстро погрузились и поехали.

Замелькали забитые машинами и мотоциклами дороги, эстакады, тоннели, улицы, переулки и шумные площади с круговым движением. За широкими окнами автобуса вечной жизнью жили старые дворцы, большие и малые мосты, дома с ажурными балкончиками и беззаботные кафе-шантаны на бульварах. Растопырив железные ноги, с прежним упрямством стояла Эйфелева башня, несурзная верзила, пережившая и того, кто ее придумал и собрал, и тех, кого бесила ее скелетированная худоба. Кто-то крикнул: «Елисейские поля», кто-то: «Триумфальная арка». Все узнавали город так, будто росли здесь. Настроение улучшилось. Обнаружился недопитый коньячок, и стало опять легко и весело. Головная боль улеглась, усталая сонливость растворилась в парижском воздухе.

Егорыч вновь заорал:

– Никогда здесь не был! А будто тут и родился! Чертов город! С него вообще все начинается!

– Лишь бы им всё не кончилось, – мрачным пророчеством отметил чей-то нетрезвый голос.

Автобус остановился возле небольшой гостиницы, и журналисты высыпали на мостовую. Они долго толкались около прилавка администратора, волнуясь, как бы при расселении их не обидели неудобством.

Никого не обидели. Все поднялись в номера и вскоре, всполоснув усталые лица, спустились в фойе отеля. Здесь их ждал солидный мужчина лет за пятьдесят, с умным внимательным лицом, холеный, важный, отвечавший перед начальством за всю эту шумную неумную братию.

– Власин! – закричал Егорыч, увидев полковника. – Черт меня подери! Это же Власин! Сашок! Ты чего, не помнишь!? Это ж я, Егорыч!

Власин отшатнулся, внимательно уставился на своего сверстника, от которого несло коньяком и потом, сощурился, припоминая. Вдруг лицо его просветлело, расплылось в улыбке. Он широко раскрыл руки и поймал в объятия маленького щуплого Егорыча.

– Да как же! Егорыч! Брат! Друг! Да как же! Да я ж о тебе все эти годы помнил! Рыбак ты мой золотой! Егорыч!

Сцена вышла трогательная. Все заинтересованно смотрели на двух мужчин и понимающе улыбались. Егорыч вертел головой и приговаривал сквозь слезы:

– Я ж вам всю дорогу, дуракам... С Парижа все начинается! А вы – пей да пей! Не слушаете стариков, сволочи! Вот ведь друг... Сашка. Знаете, кто он?

Тут Власин крепко его тряхнул, отчего Егорыч поперхнулся и с удивлением посмотрел Власину в лицо. Власин натянуто улыбнулся и громко произнес:

– Егорыч хотел сказать, что я буду сопровождать вас во время визита и в меру своих возможностей оказывать помощь. Сейчас все, и дипломаты и сотрудники торгпредства, привлечены к визиту, на помощь, так сказать. Вот я за вами и закреплен. Власин, Александр. Можно без отчества, по-родственному. Ты ведь, Егорыч, это хотел сказать?

Егорыч закивал. Это, мол, и хотел. Чего ж еще хотеть-то! Сопровождающий, визит и все такое... При этом он заговорщицки подмигнул Власину, но тот нахмурился и успокаивающе похлопал Егорыча по плечу.

Егорыч приблизил губы к уху Власина:

– Ты не сомневайся, Сашок! Я ведь тоже... того... Послужил родине, так сказать. Все понимаю, брат!

Власин кивнул и показал всем на дверь:

– Там вас ждет автобус. Возвращаемся в аэропорт. Будем встречать президента и супругу. Попрошу без излишних инициатив и разных глупостей. Телевизионщики и агентства вперед, в первый эшелон, остальные во второй. Поехали, товарищи.

Все высыпали из гостиницы и погрузились в тот же автобус. Начинался государственный визит. Пресса, наподобие волчьей стаи, стерегла свою жертву, окружая ее со всех сторон и хищно скаля зубы.

Глава 3

Егорыч находился в первом эшелоне, потому что он как раз и был тем самым «агентством», а точнее, одним из них. В руках держал диктофон «Соня», блокнот и ручку. Дело одновременно простое и сложное. Надо успеть все записать, не упустив ни слова, а потом быстро свести в небольшой текст, добежать до телефона и надиктовать московской машинистке. Опоздаешь или перепутаешь что-нибудь – никуда больше не пошлют.

Егорыч волновался, краснел и потел. Он то и делозатравленно поглядывал на дверь в ожидании появления президентов с супругами. Телевизионщики мешали, толкаясь и просовывая вперед микрофоны на длинных «удочках»-штангах. Кое-кто выходил вперед с белым листочком, замирал перед камерой и командовал оператору: «Проверь баланс». Потом громко считал, а оператор вслушивался в звук, сверяясь с приборами на камере. Включили свет, яркий, желтый. Телевизионщики вновь засуетились, в последний раз проверяя камеры.

Егорыч злился, нервничал. Он страдальчески поглядывал на офицеров французской и русской охраны, кивая им на наглых коллег, и с возмущением вздыхал. Время от времени кто-то из штатских подходил к журналистам и бесцеремонно вталкивал их обратно в первый ряд, если те заступали за невидимую черту безопасности.

Наконец, суета улеглась, и в тягостной тишине послышался голос в радиостанции одного из офицеров русской службы: «Первый идет к вам. Внимание! Работаем по основному контуру!»

Все штатские разом шагнули к журналистам и встали к ним кто лицом, а кто и спиной. Двери распахнулись, и на площадку вышли несколько мужчин в черных костюмах. Они ощупали тяжелыми взглядами присутствующих и встали по периметру помещения. Вошли президенты и их жены. Горбачев широко улыбался, поднимая над головой правую руку. Раиса Максимовна была строга и собрана.

Камеры заработали, микрофоны вздрогнули в воздухе, толпа репортеров разом выдохнула и навалилась на спины и грудь охраны. Егорыча прижали к одной из спин так плотно, что щека расплющилась. Очки, напаянные по случаю важности события, сползли набок. Он закричал и стал выбираться ближе к интересующему объекту и в эту минуту оказался подмышкой у офицера охраны. Голова Егорыча мгновенно была надежно зажата натренированными железными мышцами молодца. Егорыч зашептал в отчаянии:

– Отпусти, я свой, свой!

Но «своих» здесь не было ни по каким расчетам. Поэтому Егорыч, страдая от тесноты и крайнего неудобства, писал все, что удалось услышать, раскручивая в блокноте каракули так лихо, что даже сам стал сомневаться, сможет ли когда-нибудь превратить их в слова. Диктофон к тому же предательски щелкнул и остановился.

Саша Власин заметил страдания старого приятеля, что-то шепнул охраннику, и тот, покосившись на голову Егорыча у себя подмышкой, нехотя расслабил мышцы. Егорыч выскользнул и нырнул под штатив ближайшей камеры. Камера пошатнулась и стала заваливаться набок. Ее успели подхватить чьи-то руки. Еще чьи-то руки ухватили Егорыча за штаны и потащили назад. Он отчаянно сопротивлялся и кричал что-то вроде:

– Не мешайте работать, я на службе! Государственная компания...

Но это не помогло. Паника среди репортеров привычно нарастала. Наглее всех вели себя французы и американцы. Они шипели друг на друга, толкались, наступали на ноги, ворчали на службу безопасности. Егорыч ввинтился в их агрессивный строй и замер между дородной американкой с огромными твердыми сиськами и худым, похожим на еврея, французом. Грудь американки легла Егорычу на правое ухо, лишив его слуха процентов на двадцать. Но Егорыч не роптал. Он уперся локтем во француза с семитскими чертами и застрочил что-то в блокноте.

Власин ухватил его за ворот и вытащил из толпы.

– Все, Егорыч, все! Уходят президенты. Беги в тот конец зала. Там телефоны. А то тебя опять затолкают. Гляди, вон ваши уже рванули!

Егорыч растерянно завертел головой и бросился в указанном направлении. Как ни странно, одна из трубок досталась ему. Он зажал ее между плечом и ухом и что-то скорописью черкал на чистых листах, разложенных на коротком телефонном столике. Сзади волновались, требуя освободить телефон. Егорыч отбивался, но коллеги становились все требовательнее и решительнее. Неожиданно для всех он повернулся и крикнул:

– Идите в жопу, шакалы! Дайте же работать, мать вашу!

Не все иностранцы поняли, что сказал Егорыч, но на всякий случай отшатнулись. В стороне стоял полковник Власин и удовлетворенно ухмылялся.

Наконец, Егорыч дозвонился до Москвы и, волнуясь, повторяя слова, надиктовал несколько строк. Через пару минут вся огромная Советская страна узнает, что сказал ее первый президент в парижском аэропорту. Текст будет гладким, причесанным. Никому не придет в голову, что писал его репортер, умываясь потом подмышкой у охранника.

Политика рождалась в муках, как и положено человеческому дитю, уродливому комочку, задыхающемуся в слизи и крови. Но вот его очистили, обмыли, завернули в свежие простыни, и тщедушный дрожащий уродец превратился в человечка... Во что потом превратится этот человек, никто еще не знает, но зачат он все же по всем правилам, по всем правилам и рожден. Случается, правда, вырастает урод, особенно, когда родители, позаботившиеся о его появлении, либо уходят в мир иной в буквальном смысле, или их лишают родительских прав предприимчивые жуликоватые типы, то есть отправляют все в тот же «мир иной», но уже в переносном смысле.

Если бы Егорыч имел время задуматься об этом, он бы с немалым удивлением понял, что все в мире функционирует по одним и тем же естественным законам – и появление на свет малого дитя, и рождение идей планетарного масштаба. Осиротевшие дети и осиротевшие идеи рано или поздно непременно угодят в лапы извращенцев, как бы ни выглядели эти новые родители – разнузданной ли быстроглазой шпаной с замашками «мокрушников» или же вальяжными вельможами с аристократическими признаками родовитости на умных, скучающих лицах. Но времени для размышлений ни у Егорыча, ни у его разноязыких коллег никогда не было. Настоящее обгладывала до белых костей информационная текучка, а прошлое, как, собственно, и будущее, варились в несвежей желудочной массе нашей общей, далекой от совершенства, цивилизации.

Телефонная связь прервалась, и Егорыч на подгибающихся ногах, тяжело дыша, устало отошел в сторону. Он будто потерял половину своего веса, и без того небольшого. Словно кто-то высосал из него жизненные соки. Полнейшая опустошенность, как после бурного любовного акта со случайной жертвой вождения.

– Здорово ты их! – восхитился Власин. – Молодец, Егорыч! Знай наших!

Егорыч заулыбался:

– Служба, Сашок! Что делать! Сожрут и не подавятся, гады, если сам их не сожрешь!

– Верно, браток! Шакалы и есть, – понимающе подтвердил Власин.

На этом первый день работы в Париже заканчивался. Наступал второй день.

Могла ли предположить шакаля журналистская стая, что именно этот худенький седенький человечек, которого таскали за воротник и штаны по репортерскому пяточку в аэропорте, станет героем наступающего дня, и далеко не всякий сможет добраться до него и первым

сообщить об уникальности его судьбы, связанной с какой-то там давно уже дохлой сибирской рыбой!

Глава 4

День выдался солнечный, яркий. В кафе-шантанах и ресторанчиках плескалось, будто коньяк в согретой пузатой рюмке, тихое человеческое счастье, очень камерное, интимное. В одном из таких заведений, недалеко от площади Пигаль, за чашкой чая и бутылкой русской водки сидели два старых друга – репортер Артур Егорович Петров и чекист Александр Васильевич Власин. Они уже изрядно выпили, покраснелись, близко придвинулись друг к другу и каждый из них почти влюбленными глазами разглядывал постаревшее за двадцать с небольшим лет лицо старого друга.

– Эх, Егорыч, брат, – говорил растроганно полковник Власин, – сколько ж воды утекло! Состарились мы с тобой. Дети уж у тебя, поди, взрослые...

– Взрослые, – кивнул Егорыч, – даже слишком...

– И у меня слишком! – засмеялся Власин. – Все наперед знают, черти!

– В отцов не верят! В будущее наше светлое не верят! В «Кока-Колу» верят...

– Мои в «Пепси».

– Один черт! Я им говорю, партия... она ведь что... она ведь все! А они ухмыляются, скалятся. Иди ты, мол, папаша, со своей партией к едрене-фене...

– Ладно тебе! Это все детские болезни, как свинка или там скарлатина. Твои-то болели свинкой?

– Болели. Так и не вылечились. Хлев прямо какой-то, а не дом!

– Не переживай, брат! Все образуется.

– И этот, – продолжал пьяненький Егорыч, – лысый, с отметиной... И с бабой его... Перестройка, гласность! А чего перестраивать-то? Нет, ты мне скажи, перестраивать-то чего?

– Да по большому счету... по гамбургскому, так сказать, есть, есть что перестраивать...

– И это говорит чекист? Рыцарь революции?

– Именно так, дорогой товарищ. Мы ведь, браток, все видим, все знаем!

– И что вы такого видите, чего мы не видим?!

– Все! Развал полный. Экономики нет, все продано и перепродано. Земля не родит, заводы работают только на жалкую зарплату спивающимся рабочим, крестьянства нет, наука еле трепыхается. Культуры никакой! Вот погляди вокруг...

Егорыч злобным взглядом обвел бульвар, деревья, людей, поток машин и уставился на бутылку водки.

– Видал?

– Водка, – констатировал Егорыч.

– Именно что водка. И больше ничего. А здесь – жизнь! Бьет ключом. Бойко так бьет! Красиво! А мы все там... в средневековье.

– Да как же ты можешь! Какое такое средневековье! Коммунизм – это строй будущего, а социализм – настоящего.

– Где ж ты его видел-то, социализм-то свой? В учебниках?

– Да я, да я... Институт окончил, в Москву поехал, за границами жил. Вот – социализм...

– Глупости это, Егорыч. Ничего ты не понял! И как в Москву поехал, и какой институт окончил, ничего ты не понял! А за границей ты, небось, жил на всем готовеньком, как я. Попробуй тебя обратно, в твой социализм верни! Глотку порвешь!

– Так ведь в ГДР, большей частью, в нашей, так сказать, зоне...

– Именно что в зоне. Ладно, давай лучше выпьем!

Егорыч недоверчиво покосился на друга: не провокатор ли? Но глаза у Власина мерцали печалью и искренностью. Егорыч выпил и отхлебнул остывший чай.

– Значит, Сашок, ты тоже, кроме «Кока-Колы», ничего не признаешь! Я так понял.

- Почему же, квас люблю. Но только его здесь не продают. Селечку, вот... водочку.
- А родину?
- И родину. Только она у меня никак с селечкой и с водочкой не ассоциируется. Она у меня с... тобой ассоциируется.
- Плохо, значит?
- Почему же плохо? Очень даже хорошо. Вот сидим, говорим. Вспоминаем, понимаешь...
- Эх, брат, развратил вас Париж! Врага не видите.
- Да где ж он, враг-то? Сколько ищу, не нахожу. Противник есть, это верно! А врага нет. Он у нас тут! – Власин постучал себя по лбу.
- А противник, он что, не враг?
- Противник – это тот, кто сидит по другую сторону границы – против тебя, значит. Он может быть врагом, а может и не быть.
- Чудно, товарищ полковник!
- Поживи здесь с мое, не такое запоешь.
- Так жил же! Жил, Сашок! – в отчаянии закричал Егорыч, обратив на себя внимание с других столиков. Но тут же понизил голос до шепота: – Жил!
- Слепой ты, что ли? Вот ведь, с Горбачевым катаешься. А ничего не понимаешь.
- Понимаю! Вижу и понимаю! Лучше у них, конечно. Но они же... рабочих эксплуатируют, крестьян... Потому и лучше.
- Дурак ты совсем. Несешь околесицу какую-то! Кого они тут эксплуатируют! Пойдем-ка лучше погуляем. Хочешь, я тебе зоопарк покажу?
- А чего мне его смотреть? Шмотки надо купить жене, детям...
- Успеешь шмотки! Зоопарк у них тут славный. Парк, тишина. Зверушки разные. Я сюда... хожу иногда... от эксплуататоров скрываюсь.

Власин умолчал, что в зоопарке он встречался с некоторыми из своих агентов. Сюда же приводил жену, чтобы поговорить с ней о сокровенном, о том, что не должно попасть на советскую и «несоветскую» звукозаписывающую аппаратуру в их служебной парижской квартире. Теперь он сердился на себя за то, что разболтался с Егорычем, человеком явно ограниченным, пугливым и неумным.

Недопитую бутылку водки Егорыч сунул в карман пиджака. Мужчины встали и вышли на бульвар. Власин взмахнул рукой, и рядом остановился автомобиль с горящей трафареткой на крыше: «такси». Власин и Петров сели на заднее сиденье, и машина сорвалась с места, влипнув в поток других автомобилей.

Глава 5

Голова гудела, конечности подчинялись только рефлексу движения. Егорыч перебирал ногами чуть быстрее, чем следовало, чтобы удержать наклоняющееся вперед тело. Главное, вовремя подставлять ноги под нависший вперед центр тяжести. Артур Егорович сердился на Власина за то, что тот потащил его в этот чертов зоопарк с его вонючими клетками, полупустыми загонами и стеклянными террариумами. Егорыч слегка оживился лишь около бассейна с дельфинами и морскими львами. Он лег грудью на перила и смотрел вниз, где лениво поблескивали спинами морские чудища, претендовавшие на его, Егорыча, место в интеллектуальном рейтинге земной фауны.

«Но как же, – думал он, – вот ведь я, человек, прикрываю одеждой срам, а они – голые. Разве они умнее? Разве они звонят в Москву, начитывают текст политических сенсаций, торчат подмышкой у президентских телохранителей, строчат по газетным вырезкам секретные информационные сообщения в посольствах? Нет, они просто режут воду своими сигарообразными телами и веселят публику. Ну, может быть, иной раз сам Егорыч в чем-то ненароком выглядит смешнее, забавнее их, но не по его же вине! И в этом не их заслуга! Просто так получается! Так складывается жизнь... Нет! Определенно, и я, и Саша Власин, и Горбачев умнее дельфинов. Намного умнее! И срам, опять же, прикрыт»...

Власин исподтишка поглядывал на Егорыча и улыбался чему-то своему, затаенному, не высказанному до сих пор. Егорыч повернулся к нему.

– Чего лыбишься, Сашок?

– Да так, настроение хорошее.

– Нет, брат, когда хорошее настроение, так не лыбятся.

– А как лыбятся?

– Не так. Это ты чего-то задумал!

– Верно. Я думаю, Егорыч, ты хороший мужик... и жаль мне...

– Чего тебе жаль?

– Что такие как ты... и как я, уходят. Печально!

– Другие придут.

– Придут. Но именно, что другие. Может, лучше нас, а может...

Егорыч тяжело вздохнул и отмахнулся.

– Пойдем отсюда, Сашок. Что-то устал я сегодня.

Но Власин упрямо покачал головой.

– У нас тут с тобой одно дельце есть, Егорыч. Я тебе сюрприз приготовил. Ты уж, прости, брат, что сразу не сказал. Но тогда это уже был бы не сюрприз. Понимаешь?

Егорыч на всякий случай вежливо улыбнулся и настороженно посмотрел на полковника Власина. Саша потянул его за руку, и они побрели в сторону террариума. Холодный, сырой дух проник под пиджак, рубашку, штаны и даже в сандалии. Егорыч поежился. Было темно, безлюдно, гулко.

– Ну, чего? – тревожно и строго спросил он. – Где твой сюрприз?

Власин улыбнулся и подтолкнул Егорыча к огромному пустому аквариуму, на стекле которого, слева, в углу, была надежно приделана табличка с длинным текстом на французском языке.

– Вот, – сказал он.

– Что «вот»? – сердился Егорыч. – Сюрприз, говорю, где?

– Это и есть сюрприз!

Егорыч завертел головой во все стороны, но увидел в нескольких шагах от себя только двух мужчин: один был одет в зеленый рабочий комбинезон, а второй – в черный строгий

костюм. Они о чем-то вполголоса спорили, причем тот, что в костюме, сердился, нервничал, а тот, что в рабочем комбинезоне, оправдывался, что-то горячо отрицал.

– Чего это они? – спросил у Власина Егорыч.

– Да ничего! Этот, видимо, директор, а второй работник. Директор говорит, что тот прогулял вчера день, а сегодня явно не в силах работать.

– А тот чего?

– Говорит, что все не так. Он, мол, не прогулял, а был на крестинах у двоюродной сестры, и выпил-то всего... ничего. А сегодня у него просто настроения нет.

– Наш человек! – с облегчением вздохнул Егорыч. – Это и есть твой сюрприз? Тоже мне, удивил! У нас вся Россия на крестинах уже больше полувека, и настроениями разными мается!

Власин покачал головой и ткнул пальцем в табличку на стекле. Егорыч достал из кармана очки, водрузил их на нос и задрал кверху голову. Разглядев, наконец, текст на незнакомом языке, пожал плечами:

– Ну и что?

– А вот что! – торжественно заявил Власин. – Здесь, брат Егорыч, написано, что в этом аквариуме жил и умер гигантский осетр более трех метров длины и около тонны весом, подаренный сибиряками летом 1966 года президенту Республики Франция генералу Шарлю де Голлю.

Егорыч онемел, разинув рот. Он приподнялся на цыпочках, сморщил нос, на котором все еще торчали очки, и силился разглядеть хотя бы слово, хотя бы букву, подтверждающую слова Власина. Ему это удалось – фамилия президента прочитывалась легко, так же как цифра – 1966, и вес, и длина рыбы. Егорыч присел и ударил себя руками по бедрам. Он вдруг издал высокий гортанный звук и пустился в пляс, подпрыгивая и попискивая, и широко улыбался, и радостно вертел головой.

– Ай да, Сашка! Ай да Власин! Вот так сюрприз! Вот это удивил!

Он кинулся к Власину на шею и стал целовать его, царапая щеки, виски, лоб своими очками. Власин со смехом отбивался, но Егорыча унять было невозможно. Он громко хохотал, звонко хлопал в ладоши, будто только что встретил на чужбине старого друга, о котором тосковал все эти долгие годы разлуки.

– Вот, значит, где ты жила, милая, вот, значит, где ты откинула ласты! – причитал он громко и прочувствованно. – Родная ты моя рыбонька, принцесса, королева золотая! Как же ты нас чуть не угробила в самолете-то, сволочь! Я ж летал там, как муха! А ты здесь, значит! Вот, выходит, как свидеться пришлось! Можно сказать, на могилке...

Французы перестали спорить, повернулись к русским и с возмущением, закипающим будто вода в чайнике, уставились на Егорыча.

– Мсье! – закричал директор в черном костюме, – здесь нельзя шуметь! Мсье! Я позову охрану, если вы не заткнетесь немедленно! Вы пьяны, мсье!

– Пошел ты, Бонапарт недорезанный! – отвечал ему в лицо Егорыч. – Это я, я эту рыбу для вашего президента поймал. Я, и вот... этот.

Он указал пальцем на Власина, но полковник, слегка побледнев, зашипел:

– Обо мне ни слова, Егорыч! Ни слова! Я это не буду переводить! Только о тебе! Понял?

Егорыч закивал и еще раз подпрыгнул, будто на пружинках. Власин набрал в легкие воздух и произнес по-французски:

– Месье утверждает, что именно он со своими друзьями поймал эту рыбу в Оби, в Сибири. В подарок для вашего президента, для генерала де Голя.

Француз в темном костюме растерянно замер и внимательно взгляделся в беснующегося Егорыча.

– В самом деле? Он не... ошибается, мсье? Он, как бы это сказать, адекватен? То есть нормален... с точки зрения... психиатрии?

Власин широко улыбнулся:

– Что вы! Что вы, мсье! Он самый что ни на есть нормальный советский человек! Ни капельки безумства! Ни грана сумасшествия! Абсолютно адекватен! Просто он – советский человек. И все!

– Я никогда не видел таких, мсье, то есть советских. Но он слегка пьяный, да?

– Есть немного. Мы выпили за встречу.

– О! Значит, он русский. И вы!

– А как же, мсье! Но вот ваш рабочий... Извините, мсье... – последняя фраза Власина была обращена к французу в комбинезоне. Власин галантно кивнул ему. – Вот ведь ваш сотрудник... на русского не похож, но, кажется, и он не очень трезв. И вчера, как я случайно услышал, он тоже был, так сказать, не совсем. Как бы лучше выразиться...

– О, не надо выражаться, мсье! Вы очень дипломатичны...

– Я и есть дипломат. То есть я из торгового представительства. А вот он, – Власин показал на все еще приплясывающего Егорыча, – он журналист. Сопровождает президента Горбачева.

Тут пришла очередь пуститься в пляс директору в черном костюме. Пытаясь, видимо, попасть в такт Егорычу, и воодушевленный именем Горбачева, он стал ритмично приподниматься на цыпочках и понимающе улыбаться. Перед пустым аквариумом теперь приплясывали и подпрыгивали двое мужчин. Это выглядело странно, потому что двое других стояли неподвижно и словно присутствовали на трогательном спектакле заезжих уличных артистов.

– Мсье, мы рады такому гостю... я имею в виду и вас, и президента, мсье Горбачева с супругой. Но вы... вы для нас абсолютная неожиданность. Вы в самом деле поймали этого гиганта? Вы видели самого генерала де Голля? Это правда? – вопрошал директор.

Власин синхронно переводил Егорычу вопросы, пытаясь в то же время обхватить его рукой за талию и остановить хоть на мгновение.

– Да! Да! – заорал Егорыч, вырываясь из Власинских рук. – Я ее поймал, родимую! Да я не то что руку жал вашему генералу, мы с ним взасос целовались... По-мужски, конечно, не подумайте чего! Мы с ним, знаешь, какими приятелями стали! Да он плакал, как дитя, когда мы расставались! Я, говорит, эту рыбу сберегу, как память о тебе, Егорыч! Я ее нашими морепродуктами с руки кормить буду! Вот что он говорил, этот ваш де Голль! Уважал!

Директор, выслушав довольно точный перевод, остановился на мгновение, потом схватил Егорыча в объятия и стал его целовать в щеки, гладить по голове, трепать волосы.

– Я любил генерала! Я его боготворил! Это я кормил твою рыбу, комарад, с этой вот руки! Пока она не сдохла...

– Плохо кормил! – отбивался Егорыч. – Она у тебя даже потомства не понесла...

Директор остановился и печально покачал головой:

– Они, говорят, в неволе не размножаются, комарад! Как и мы, французы.

– Вы размножаетесь! – авторитетно заявил Егорыч. – Я видел. От одного вашего француза в Бутырской тюрьме две надзирательницы понесли. Причем одна родила двойню.

– Что такое Бутырская тюрьма?

– Ну, это как ваша... Бастилия! – попытался перевести разговор в историческую плоскость дипломат-полковник Власин.

– О! У вас тоже есть Бастилия?

– Она везде есть... – буркнул Власин мрачновато и шепнул Егорычу: – Что тебе дался этот француз со шляхами-надзирательницами... Тоже невидаль!

– А как же! Чего он говорит, что рыба на них похожа! Они размножаются в неволе, да еще как! А рыбка – нет! – Егорыч был готов от обиды за горькую рыбью судьбу даже всплакнуть.

Но директор уже никого не слушал. Он что-то крикнул рабочему, а тот, обрадовавшись, что его личная деликатная тема утонула в чужих бурных водах, бросился куда-то со всех ног.

– Чего это он? – недоумевал Егорыч.

– О, мсье! Вы, наверное, интересуетесь, куда побежал мой работник? Ведь так?

Егорыч пожал плечами, не понимая ни того, куда исчез человек в комбинезоне, ни того, что спросил человек в костюме. Но директор уже тащил его за рукав вслед за убежавшим и быстро говорил:

– Вы наш самый неожиданный гость! Вы подарок! Гласность, перестройка, Горбачев! С нами! Идемте же, мсье! Я хочу вас показать своим друзьям!

Все трое, Власин, директор и притихший Егорыч двинулись вглубь помещения, к двери, на которой было написано: «Только для персонала».

Глава 6

Репортеры стояли привычным полукругом, настраивая камеры, проверяя силу света, «балансируя» изображение, чтобы потом на экранах телевизоров не выбивался зеленый, синий или красный спектры. Картинка должна быть ясная, хрустальной чистоты и прозрачности. В основном, здесь были только французы, среди которых, правда, неожиданно затесалось двое американцев, один голландец и один немец. Все волновались, неприветливо поглядывали друг на друга. Несколько репортеров с микрофонами в руках примерялись к своим объективам. Охраны на этот раз, кроме двух пожилых мужчин в форменной одежде службы безопасности зоопарка, не было. За спинами репортеров стоял Власин, засунув руки в карманы брюк. Лицо напряженное, глаза влажные от беспокойства, губы плотно сжатые.

Все нетерпеливо поглядывали на дверь, откуда должны были появиться гости.

Наконец, никелированная ручка поползла вниз... Вспыхнул свет десятка юпитеров, и в желтоватом ореоле появились те, кого с нетерпением ожидали. Впереди шел директор зоопарка в черном костюме, за ним Артур Егорович Петров, а следом миловидная молодая женщина в облегающем фигуру платье. Егорыч косил глазам на ее бедра и облизывал губы.

Директор, чуть подвыпивший к тому времени, покрасневшийся, сделал шаг к камерам и громко сказал:

– Мадам и мсье! Позвольте объявить пресс-конференцию открытой и от вашего и... нашего лица поприветствовать мсье Петрова, русского гостя.

Сверкнули молниями несколько вспышек. Камеры, будто строй солдат по команде капрала, одновременно повернули объективы к Егорычу. Тот вдруг побледнел и закашлялся.

– Мсье Петров любезно согласился ответить на ваши вопросы по поводу его сенсационной встречи с генералом де Голлем и подарком от русского правительства французскому. То есть о гигантской рыбе, которая прожила столько долгих счастливых лет в нашем аквариуме. Мадемуазель Жозефина Рабле согласилась быть нашей переводчицей. Мадемуазель великолепно владеет русским языком... я вам должен заметить. Она...

Но никого не интересовало, откуда мадемуазель Рабле знает этот варварский язык и почему она была так любезна с русскими, что согласилась переводить на пресс-конференции. Всеобщее внимание привлекал тщедушный немолодой русский мужчина, боязливо жавшийся в углу освещенной площадки. Первым выкрикнул вопрос высокий парень в джинсовой паре:

– Мсье, вы не врете? Вы действительно видели эту рыбу?

Выслушав перевод, Егорыч сглотнул слюну и покачал головой. За спинами репортеров волновался Власин. Он помахал Егорычу рукой и крикнул:

– Не дрейфь, Егорыч! Ты же их знаешь! Сам такой! Рубани им правду-матку, браток!

Егорыч слабо улыбнулся, услышав Власина, и, похрипывая от волнения, сказал:

– Да я ее не то что видел! Я ее поймал! Вот этими руками! – Егорыч высоко над головой поднял ладони. Вновь защелкали фотокамеры, а Егорыч продолжал: – Мы ее искали, искали, искали... А она, стерва, плавала себе и плавала!

– Где вы ее нашли? – выкрикнул кто-то из репортерского ряда.

– В Оби! Где же еще! Там много таких! Ненцы помогли!

– Ненцы – это кто? – зашумели репортеры в несколько голосов.

– Это как у вас индейцы! – сказал Егорыч строго, с обидой.

Все засмеялись. Директор, желая исправить неловкость и стал объяснять Егорычу:

– У нас нет индейцев. Это в Америке.

Егорыч понимающе кивнул, задрал кверху две сцепленные в замок руки и крикнул невпопад:

– Дружба! Дружба! Франция – Советский Союз!

Это всем понравилось. Директор подхватил:

– Гласность, перестройка, Горбачев! Дружба! Да здравствует Франция! Да здравствует генерал де Голль!

– Мсье! Что вам сказал генерал, когда вы дарили ему это чудовище? – перекричала всех женщина-репортер с огромным микрофоном в руках.

– Сказал, что империализму конец! Целовать стал! Очень был рад!

– Почему империализму конец? – не унималась вредная репортерша.

– Не знаю почему! Так сказал. Конец, и все! Спасибо, говорит, за подарок!

– А что там была за история с погрузкой контейнера с рыбой на борт вашего транспортного самолета? – выкрикнул полный американец средних лет и тонко улыбнулся.

Егорыч еще больше побледнел и пожал плечами.

– Перепутали немного. Чуть вам это... не тот подарок. Было! Чего скрывать-то! Сейчас гласность, перестройка! А тогда... Застой! Тоталитаризм! Сталин, Хрущев, Брежнев! Ракеты там разные! Сейчас нет! Сейчас – Горбачев! Демократия и это... социализм с человеческим лицом. Дружба! Дружба!

Глава 7

Американские репортеры вечно вставляли палки в чугунные колеса скрипучей советской телеги, и вот теперь вновь пытались превратить серьезное политическое событие в отвратительный, «клеветнический» (как было позже определено в советской прессе), балаган. Истина, конечно, требует того, чтобы о ней помнили. Но она далеко не всегда хочет, чтобы о ней говорили, и уж совсем не любит, когда говорят от ее имени.

Случилось такое на самом деле или нет, никто теперь уже и не скажет. Многие заинтересованы закопать информацию об этом в мусоре прошлых лет. Но кое-кто, как у нас было принято говорить, затаился в своем Лэнгли или даже в самом Пентагоне, и в нужное время в нужном месте вытащил на общее обозрение старую неправдоподобную историю и, будто помоями, обрызгал светлое настоящее, где рука об руку с западной демократией шагали «гласность и перестройка».

С высоты уже сегодняшних лет, когда и гласность, и перестройка с их названной (отнюдь не кровной!) «сестрой» – западной демократией стали такой же архаикой, как в 1987-м представлялись события 1966-го, приходится вспоминать, что же все-таки произошло в Томске ранним июньским утром 1966 года, а именно на следующий день после вручения дорогого подарка французскому президенту.

Вернемся и мы назад, в тот незабвенный для многих год...

Борт транспортной военной авиации готовили к рейсу в Париж. Первым делом проверили документацию – не вкрался ли какой-нибудь военный секрет в бортовые бумаги! Двое чекистов в штатском строго листали полетные журналы, листы с отчетами о маршрутах, просматривали подробные карты и даже личные бумаги экипажа. Когда что-нибудь подозрительное обнаруживалось, они переглядывались, сокрушенно качали головой и тяжело вздыхали. Затем затаившуюся среди штатного писарского мусора государственную тайну аккуратно извлекали и бережно клали в картонную папку – это вывозить нельзя! Враг мог воспользоваться нашим ротозейством и нанести неожиданно если и не сокрушающий, то очень болезненный удар.

Через три с половиной часа кропотливой работы чекисты, прихватив увесистую папку, исчезли. Старший из них перед тем, как спуститься по трапу, укоризненно посмотрел в глаза командиру экипажа: что, мол, вы за люди, летуны! Вам бы все в облаках развлекаться, помахать крылышками, дармовой спирт глушить! А где передовая, вам и не ведомо! А она – вот ведь, в невидимой своей ипостаси. И стоят на ней в бессрочном наряде суровые парни в серых плащах, кожаных кепках и фетровых шляпах, под которыми неслышно и незаметно живет холодный ум. Где же ваши горячие сердца, пилоты родины! Они в нашей груди! Разве держите вы свои штурвалы чистыми руками?! Да нет же! Потому что чистые руки у нас: они спрятаны в карманах плащей и ухватились цепко за рукоятки наганов.

Все это командир прочел в глазах особиста и виновато вздохнул. Признал и свою вину, и его превосходство. Удовлетворенные произведенным эффектом, штатские растворились в предрассветной мгле военного аэродрома.

Через пятнадцать минут радист доложил командиру:

– Говорят, к нам еще троих на борт сажают, сопровождающих... особистов.

– Кто говорит? – рявкнул командир.

– А кто его знает, товарищ подполковник! По связи сообщили. Ждите гостей, троих, и все тут! Мое дело маленькое...

– А мое и подавно. – буркнул командир. – Пусть хоть всю Лубянку сюда привезут. Ты, главное, про спецгруз запроси. Когда доставят?

– Рыбу, что ли?
– Тихо ты! Приказано не болтать. «Спецгруз», и все тут! Понял?
– Так точно, товарищ командир. Как не понять? «Спецгруз», он и есть «спецгруз». Не впервой! – Радист отошел в сторону и покачал головой: – Что рыба, что не рыба – все едино! Сказано довести – доведем. Скажут – сожрать – сожрем! Без соли, коли велят!

Груз ждали недолго – минут двадцать. К самолету на низкой телеге под тяжелым брезентовым чехлом торжественно и чинно четверо старослужащих везли контейнер. Они остановились под невысоким носом самолета, и один из них, задрав голову, крикнул:

– Эй, кто там! На борту!

В нижнем иллюминаторе появилась голова командира. Он зашевелил губами, явно подбадривая солдат. Судя по блеску его глаз, слова содержали самые точные и емкие выражения, имеющиеся в родном языке.

– Понял, – сказал один из солдат.

К контейнеру подошли трое мужчин в штатском. Один из них заглянул в лицо понятливому служивому и процедил сквозь зубы:

– И что же ты понял?

Солдат струхнул, покраснел.

– Что положено, понял, э-э-э... товарищ...

– Кому положено?

– Не могу знать... товарищ...

– Не можешь – так не вякай!

– Есть не вякать!

Штатский победно взглянул на коллег и кивнул:

– Вези груз в самолет, боец! Живо!

– Есть!

Служивые стали толкать телегу к разинутому брюху транспортного самолета. Колеса телеги дробно застучали по настилу подъемника, и через минуту контейнер поглотило черное жерло. Солдаты выскочили оттуда уже без телеги и контейнера, будто ошпаренные, и, козырнув трем мрачным типам, понеслись подальше от самолета.

Старший из особистов махнул рукой в сторону мрачного брюха транспортника, и все трое бойко вбежали по трапу.

Второй пилот стоял рядом с контейнером, похлопывая его ладонью, и бубнил:

– Спит рыбка! Спит! Проснется, на тебе – чужбина!

Старший из штатских строго взглянул на летчика:

– Каждому свое! Кому чужбина, а кому и... Заводите машину. Пора в путь.

– Садитесь на лавки, вдоль бортов, закрепитесь. Полетели! – мрачно козырнул второй пилот и исчез в рубке.

Со скрежетом поехал кверху трап, поглощая острые линии наступившего рассвета утробной теменью железного брюха. В салоне стало темно и жутковато. Замерцали две тусклые лампочки, в слабом свете которых штатские с трудом различали бледные лица друг друга.

Самолет взревел, вздрогнул и, потряхиваясь на неровностях бетона, покатил к взлетной полосе. Он на мгновение замер, будто собираясь с силами, тяжело выдохнул сизый дым и рванул куда-то в тревожное будущее.

Души штатских будто растеклись по невидимой теперь земле, уходящей назад, цепляясь за то, что им было дано от природы – за твердь. Души потянули за собой тела, и все трое, не успев закрепиться на лавках, кубарем покатались по ребристому металлическому полу. Самолет упруго оттолкнулся от бетона и резко взмыл вверх. Сердца провалились прямо в кишечник. В салоне повис тяжелый дух страха.

А на земле военный диспетчер смотрел в хвост уходящему пузатому транспортнику. Диспетчер стоял у окна в башне и почесывал бритый затылок. О том, что «спецгрузом» была гигантская рыба, знал даже новобранец, но вслух этого не произносил никто – все же государственная тайна. Диспетчер думал о том, что почти всю свою сознательную жизнь он соприкасался с самыми различными государственными тайнами. По сути, он сам был частью этих тайн. От таких острых ощущений кровь убыстряла свой ход в жилах, температура тела возрастала, мозг заливало жаром. И только подленькая мысль о том, что большинство этих тайн известны всем, от кого они береглись, остужала сознание и унижала профессиональное достоинство.

Как-то, лет пять назад, его свояк приехал из Англии, где обучался полиграфии, и привез журнал. Ему понравились печать и бумага, и он просто не смог пройти мимо. Это оказался каталог советских истребителей и штурмовиков, со всеми их секретными тактико-техническими данными и даже подробными чертежами. Здесь же сообщалось об аэродромах базирования. Стоил журнал около полутора фунтов стерлингов и был куплен свояком на лондонском вокзале в обычном ларьке. Кто-то, уже в Томске, проболтался, что у свояка дома хранится «государственная тайна».

Его арестовали ранним утром. Он так бы и пропал в глухом лагере, если бы такие же журналы не обнаружили почти у всех слушателей лондонского полиграфического курса. А у руководителя, члена обкома партии, даже нашли подробный каталог ракет «земля – воздух» и «воздух – воздух» с фотографиями шахт и транспорта доставки ракет на боевые позиции. Дело тихо спустили на тормозах, но со всех виновных взяли строгую подписку о том, что они не будут рассказывать о прочитанном и увиденном своим согражданам. А вдруг среди них окажется шпион!

К своему несчастью, свояк там же купил набор карт Советского Союза, да такой подробный, что, казалось, любой смог бы найти на одном из листов свой собственный дом, а если взглядеться, то и себя самого. Свояк упаковал набор в фибровый чемодан и ночью бросил в реку. Через день чемодан выловили и повели следствие. По штампу производителя карт безошибочно определили круг подозреваемых, доставивших карты в СССР. Само их существование было величайшим секретом, не говоря о содержании. Попытки снять отпечатки пальцев со страниц карт результатов не дали – вода сделала свое дело. Свояка не нашли, но в одном из отчетных докладов в обкоме прозвучало, что доблестные ревнителю государственных тайн сумели создать для неустановленного иностранного разведчика такие условия существования в подполье, что он был вынужден отказаться навсегда от нелегальной деятельности. А карты и, видимо, оружие, которое пока не нашли, но настойчиво ищут – утопить в реке Томь.

Диспетчер сердился на коварных иностранцев за то, что они обесценивали самое святое, самое дорогое, что было в жизни советского человека – «государственную тайну» его родины.

В башню поднялся сменщик – полноватый немолодой майор. Он с шумом вздохнул. Диспетчер обернулся и кивнул.

– Ну, чего, рыбку-то кормили? – весело спросил майор.

– Кому надо, тот кормил, – мрачно ответил диспетчер. – И не рыбка это, а «спецгруз».

– Да ладно тебе! Этот спецгруз знаешь, как хвостом с голодухи лупит, в ракетном ангаре! Вода во все стороны! Только держись!

– В каком ангаре! Ты чего несешь?

– Дык я туда сейчас заходил! Лупит! Честное пионерское, лупит! Чтоб я провалился!

Диспетчер вздрогнул, лицо покрылось испариной. Он с надеждой заглянул в маленькие веселые майоровы глазки:

– Может, это другая рыба? То есть... другой «спецгруз»?

– Ты чего? Какая другая? Та же и есть! Что я, слепой что ли!

Майор даже присел от неожиданной мысли. Он показал пальцем в окно, вслед ушедшему транспортнику, и замер, не в силах выговорить то, что засело в мозгу.

Диспетчер с отчаянием махнул рукой и выбежал из помещения. Он кубарем скатился по винтовой лестнице и побежал через летное поле к далекому ангару.

Он толкнул огромные ворота и протиснулся в щель. На бетонном полу, рядом с зачехленными ракетами, покачиваясь от живой беспокойной массы, стоял контейнер с рыбой. Брезент сполз в сторону, промок.

К диспетчеру, лениво переминаясь, подошел солдат с карабином за плечом.

– Сюда нельзя! Объект здесь...

– Это чего? – спросил диспетчер, указывая пальцем на контейнер с рыбой.

– Государственный объект! Сюда нельзя! – солдат сорвал с плеча карабин и шелкнул предохранителем.

Диспетчер взялся за голову:

– Что же мы тогда отправили во Францию? Что мы отправили?

Слух об ошибке разнесся по военному аэродрому со скоростью звука. Телефоны раскалились от звонков, люди в штатском и в форме бессмысленно забегали по штабам, ангарам, взлетным полосам. Нашли четырех старослужащих солдат, которые доставляли «спецгруз» к транспортному самолету, и допросили. Самолет тем временем уже сорок минут шел над страной с неизвестным грузом, со всем экипажем, с тремя мрачными бледными типами и без единой секретной бумаги или карты на борту. Близился Урал.

– Что вы грузили? – орал в штабе на трясущихся от страха солдат высокий худой полковник – начальник особого отдела армии.

– Чего дали, то и грузили, товарищ полковник, – оправдывались солдатики.

– Кто дал?

– Ваши. Ваши и дали. В штатском товарищи, – говорил старший из солдатской команды.

– Врешь! Врешь, вражина! – топал ногами полковник. – Наши не могли ошибиться. У нас за такие ошибки, знаешь, что полагается!

Полковник потерял дар речи от возмущения. В это время в комнату заглянул штатский, что досматривал документацию на борту транспортника и паковал ее в папку.

– Вот он! – заорали солдаты все разом в сторону вошедшего особиста. – Он дал. Номер, говорит, 411567 бис. Берите контейнер и везите на борт. Так и сказал, товарищ полковник. А мы что! Мы того... Как велено, так и сделали. Привезли, погрузили. Там еще ваших трое было. Строгие такие!

Особист и полковник переглянулись и завращали друг на друга злыми глазами.

– Свободны! – пробурчал полковник солдатам.

Но те не двигались, будто пораженные столбняком.

– Свободны, болваны! – заорал полковник и ударил кулаком по столу.

Солдаты сорвались с места и, толкаясь в дверях, выскочили в коридор. Дробный грохот сапог свидетельствовал о том, что третий раз повторять приказ смысла не имело.

Наступила тишина. Полковник и особист, теперь уже растерянно моргая, смотрели друг на друга. Особист протянул полковнику толстую папку с документами и сглотнул слюну.

– Вот, – ни с того, ни с сего сказал он.

– Что «вот»?

– Досмотрели борт. Изъяли... документацию... государственная тайна...

– Вы что, идиот?

– Я бы попросил...

– Заткнись! Бегом в ангар, выясни, что погрузили! Немедленно! Самолет вернуть!

Он орал это вслед уже бегущему по коридору особисту. Тот прижимал к себе драгоценную папку и энергично семенил по дощатому полу.

Полковник схватился за трубку и хрипло распорядился в нее:

– Борт вернуть. У них на борту... – он запнулся, раздумывая, что сказать, – не все досмотрели.

– Есть, – ответил голос майора-диспетчера. – Разрешите доложить командованию?

– Я тебе доложу, гад! – крикнул полковник. – Тоже мне, докладчик хренов нашелся! Самолет верни! Немедленно!

Особисты выяснили: на борту транспортного судна в столицу Франции вместо подарочной рыбы летела абсолютно секретная ракета «земля – воздух», которой еще только предстояло пройти полигонные испытания. Ракета была подготовлена к боевым стрельбам, полностью укомплектована и готова к поражению цели.

Командир судна и радист переглянулись, услышав команду с земли вернуться.

– Вы что? – рассердился командир, – мы уже почти час в воздухе! Урал под нами.

– Выполняйте приказ! – орал майор-диспетчер. – Головой отвечаете!

Самолет резко развернулся, ракета на борту тяжело подпрыгнула, трое сопровождающих опять сорвались с мест и покатались по полу. Старший оказался рядом с грузом. Он больно ударился обо что-то головой. Поднял глаза и разинул рот – тупое рыло ракеты вылезло из-за треснувшего брезента.

– Мать моя женщина! – прошептал он с таким изумлением, что коллеги посмотрели на него с испугом. – Мы чего везем-то?

Еще через час самолет приземлился. Аэродром по периметру был окружен двумя ротами охраны. Ракету осторожно извлекли из брюха транспортника и покатали к ангару, а на смену ей уже везли «спецгруз», бойко бьющий хвостом внутри титанового контейнера. Подарок для президента, наконец, полетел по назначению.

Глава 8

– Дружба! Дружба! Демократия! – орал журналистам Егорыч. – Перепутали маленько! Тоталитаризм был...

Подробности той далекой рыбалки слушали, затаив дыхание. Когда немного сбивчивый, но весьма убедительный рассказ был завершен, многие зааплодировали. Посыпались вопросы: колкие, с издевкой, добродушные, глуповатые, с долей любопытства и недоверия. Егорыч разошелся не на шутку. Он зарделся, будто после парилки и доброй выпивки. На некоторых репортеров поглядывал с прищуром, хитрым, почти как на портретах Ленина, и, отвечая, даже немного картавил. Саша Власин отметил это про себя, с интересом наблюдая за Егорычем. Он почти ничего не врал, разве что...

Когда пресс-конференция закончилась, и последний осветитель свернул провода и упаковывал в чемоданы горячие лампы, а журналисты уже неслись в свои редакции со свежим сенсационным материалом, Власин обнял за плечи Егорыча, и, подталкивая к машине, заметил:

– Все вроде бы верно, Егорыч, но... уж больно ты про президентов да премьеров лишнего насочинял. Признайся, браток, хотелось коснуться вечности?

– А чего я присочинил-то? Так все и было!

– Что-то я не припомню, чтобы тебя они... как бы сказать... замечали, что ли?

– А кого же! Тебя, что ли?

– Да я и не претендую.

Мужчины сели в машину, таксист обернулся с вопросом в глазах.

– Поехали, – скомандовал Власин, – в русское посольство.

– За Булонским лесом? – на всякий случай спросил таксист.

– За ним, за Булонским, – кивнул Власин.

– Чего это он? – поинтересовался Егорыч, не разобрав, о чем разговаривали Власин с таксистом.

– Спрашивает, кто ты. Лицо, мол, знакомо ему. Думал, что русский министр.

– Почему министр?

– По телевизору похожего на тебя видел, около Горбачева.

– Так это я и был. Небось, телевизионщики сняли, когда я ему вопросы сыпал, а таксист решил, что я это... министр. Бывает!

– Я так и сказал. А все-таки ты врешь!

– Чего я вру?

– Не заметили они тебя тогда. Ну, привез рыбину, ну, выволок ее на сцену. И чего? Один, что ли?

– А хоть и не один! Мне поручено было! Де Голль, знаешь, как меня обнимал, целовал даже. И Косыгин благодарил. Все! Это ты, Власин, от зависти! Но ты ведь тоже... это... участие принял.

– Принял, – кивнул Власин и уставился в окно.

Егорыч отвалился на сиденье и устало прикрыл глаза. Очнулся, только когда машина остановилась перед воротами посольства. В стороне стоял черный автобус с полицейскими, день и ночь охраняющими подходы и подъезды к посольству. Власин, выходя из такси, приветливо кивнул им. Они помахали руками и заулыбались.

– Видал, уже знают, – сказал Власин Егорычу.

Тот захлопнул за собой дверь и непонимающе посмотрел в сторону приветливых полицейских.

– Что знают?

– О тебе, чудак. Приветствуют.

- Откуда знают-то?!
- Пресс-конференция.
- Так мы только-только закончили! Когда успели-то?
- Здесь все так. Рынок, понимаешь.
- Во дают! Черти!

Егорыч вдруг широко заулыбался, замахал руками и быстро направился к полицейским. Власин не успел даже окликнуть его, а Егорыч уже тряс руки удивленным стражам порядка и развязно похлопывал их по плечам.

- Мы еще не то можем! Приезжайте к нам в Сибирь, ребята! Сами увидите!

«Ребята» сначала растерялись, но потом, решив, видимо, что русский выпил лишнего, примирительно ухмыльнулись и тоже похлопали его по плечу: иди, мол, prospись. Власин все же успел подхватить Егорыча под руку и втолкнуть в ворота посольства.

Егорыч смотрел вокруг себя осоловелыми глазами, в которых плескалось счастье от нежданно-негаданной популярности и от удовлетворения своей, как обнаружилось, яркой жизнью.

Глава 9

Скандал вспыхнул утром следующего дня. Теплое и нежное, оно заглянуло в номер гостиницы, в проем тяжелых штор, ничего дурного Егорычу не предвещая. Артур Петров сладко потянулся в постели, вспомнил вчерашний день, вечер, выпивку в посольстве в «подводной лодке» с Власиным, и какой-то мутный, почти выпавший из памяти, отъезд в гостиницу на посольской машине. Немного побаливала голова, слегка подташнивало, но это состояние Егорычу было хорошо знакомо, и если бы оно в это утро отсутствовало, Егорыч имел бы все основания для беспокойства: так ли уж хорошо, так ли уж ярко прошли вчерашний день и вчерашний вечер.

Он вспомнил, как Власин, перебирая струны старой гитары, пел песенки собственного сочинения о тяжелой заграничной дипломатической службе, о родине, которая с надеждой поглядывает из туманной дали на своих героев в смокингах, о подлых предателях, сбежавших за жирным куском хлеба с маслом на коварный Запад.

Егорыч улыбнулся и сел, спустив с кровати ноги. Он искал ногами тапочки, которые всегда возил с собой, нащупал их, пошевелил пальцами ног и тяжело вздохнул. Когда забренчал телефон, Егорыч еще лениво плескался в душе. Мокрый, взлохмаченный, обернутый полотенцем, он прошлепал по полу к кровати, возле которой и стоял на тумбе телефонный аппарат.

– Алло! Слушаю, – произнес Егорыч неожиданно хриплым голосом.

– Это кто? – спросил аппарат голосом Власина.

– Это – я! Артур Егорович Петров. А там кто?

– Чего-то я тебя не узнаю, Егорыч! Ты что, охрип?

– Сашок, ты?

– А кто же еще? Де Голль, что ли?

– Ну, ты даешь! Тоже мне шуточки! Я это... не говорил давно. Со вчерашнего дня. Вот и осип немного.

– Ничего, сейчас поговоришь...

– Не понял.

Егорыч действительно не понял, с кем и о чем он сейчас должен поговорить, но шестым чувством уловил тревожную волну почти электромагнитного свойства, исходящую от последней Власинской фразы.

– В посольство тебя вызывают. Срочно! Заодно и меня.

– А ты где?

– Внизу, в гостинице. За тобой приехал.

– Так ты поднимайся!

– Лучше ты спускайся, и побыстрее.

– Я голый, Сашок!

– Одевайся, черт тебя побери!

– А чего случилось-то? Война, что ли?

– Узнаешь. В общем, жду.

Егорыч растерянно сел на кровать, держа в руках трубку телефона. Он медленно положил ее на рычаг и почесал затылок. Потом пожал плечами и зашлепал обратно в ванную комнату. Через семь с половиной минут он уже стоял перед Власиным в вестибюле гостиницы.

– Чего они, Сашок?

Власин взял его за рукав и подвел к стойке с ворохом свежих газет. Со всех первых полос на живого Егорыча смотрел Егорыч-портрет с широко разинутым ртом, взлохмаченной потной головой, со свернутым на сторону галстуком. В нижних углах газетных страниц жались небольшие фотографии Михаила Горбачева, Франсуа Миттерана и их супруг. Им всем доста-

лось место во втором эшелоне, почти в «подвале». Первый эшелон победоносно занимал Егорыч.

– Вот это да! – радостно заорал он. – Я все куплю, все газеты! Домой! Подарю жене, детям, начальству! Скажи ему! – Он радостно подпрыгивал и показывал пальцем на улыбающегося служащего за гостиничной конторкой.

– Не волнуйся, Егорыч, – мрачно отозвался Власин. – Начальству и без тебя по экземпляру уже подарили. Ты в девяти газетах вышел, по двум телеканалам и шести радиостанциям. На подходе еще четыре журнала и два еженедельника. Всех затмил! Даже президентов с супругами! Тебе первая полоса, а им подвальчик! На всех один. Для того они тебя, должно быть, сюда и привезли!

Последнее замечание ударило Егорычу в лицо, будто горячий ветер из Сахары. Испарина выступила на лбу. Он сначала испуганно, а затем даже с укоризной посмотрел на Сашу.

– Так как же! Это ж ты все, Сашок! Сюрприз, сюрприз! Вот те и сюрприз!

– Кто ж мог подумать, Егорыч, что они так за это ухватятся!

– Но ведь ухватились же, мерзавцы!

В посольство ехали молча, уныло поглядывая по сторонам. Утро уже не казалось Егорычу таким свежим, а вчерашний день – ярким. Болела голова, как от обычной поздней пьянки, отвратительно тошнило, во рту сбивалась слюна, будто тяжелая соленая плазма, пот стекал с волос за воротник. Почему-то остро пахло рыбой...

Глава 10

– Ты кто? Ты кто такой? – орал толстый дядька в мятом сером костюме и колотил ладошкой по поверхности стола. – Кто дал тебе право? Червяк поганый! Не мог дожидаться конца визита!

Егорыч, вытянувшись, стоял перед дядькой, бледный и испуганный. В углу кабинета, обитого дорогой древесиной, кожей и застеленного темными коврами, стоял другой дядька, вроде поспокойнее, помягче. Он смотрел в окно и сокрушенно вздыхал.

Горячившийся был дипломатом, ответственным за информационное обеспечение визита Горбачева и супруги. Тот, что стоял у окна, прилетел с президентом и отвечал за то же самое.

– Собирай манатки, рыбачок! Тебя дома ждут, телезвезда хренова!

Егорыч сглотнул слюну.

– Это... товарищ... так я ни при чем, товарищ!

– А кто при чем! Пушкин?!

– И Пушкин ни при чем. Сашок говорит, «сюрприз». Вот и вышло!

– Что за Сашок? – спросил мужчина от окна.

– Власин. Александр Васильевич, так сказать...

Толстяк в сером костюме приуныл и буркнул:

– Приданные силы... резидентура. Разберемся сами!

– Разбирайтесь! – тяжело вздохнул мужчина около окна и, зло взглянув на толстяка и Егорыча, быстрым шагом вышел из кабинета.

– Видал? Разбирайтесь! – будто за поддержкой обратился толстяк к Егорычу.

Егорыч понимающе закивал и тяжело вздохнул.

– Чего вздыхаешь-то? Кто тебя просил выступить сейчас?

– Так ведь дружба... перестройка... Мы же о чем... о связи, так сказать, народов и... это... партии...

– Какая связь! Какая партия! Тебе сейчас такую перестройку устроят, своих не узнаешь! Убирайся с глаз моих. А с Власиным пусть его командование разбирается. Они нам не подчинены, дипломаты плаща и кинжала, мать их!

– Куда мне теперь?

– Сиди пока в гостинице, носа не высовывай. Визит закончится, отправим вместе со всеми в Москву. Там пусть тебя твое начальство... любит страстно! Газетки не забудь захватить, рыбачок.

– Зачем? – глупо спросил Егорыч.

– Подстелешь, когда любить будут, идиот!

Егорыч выкатился из кабинета, серый от страха. Хотелось пить. В приемной стоял высокий молодой мужчина с сизыми пустыми глазами. Егорыч понял: это за ним.

– Я пить хочу! – сказал он тихо, с хрипотцой.

Мужчина подошел к небольшому серванту в углу комнаты, налил из графина, который стоял за стеклом витрины, стакан воды и молча протянул Егорычу. Тот схватил стакан и быстрыми глотками влил его в себя. Но словно ничего не выпил – во рту было так же сухо и противно. Он сам взялся за графин и дрожащими руками налил еще один стакан, расплескав воду. Выпил и растеряно кивнул.

– Поехали, – сказал мужчина с пустыми глазами.

– Куда? – спросил Егорыч.

– В гостиницу. Я теперь с вами буду.

– В номере?

– Внизу. Потом меня сменят.

Егорыч кивнул и поплелся следом за своим надсмотрщиком. В гостинице тот буркнул:
– Никуда не выходить. Обед закажите в номер. Скажете, заболел. Отъезд завтра, утром, со всеми. Никуда не звонить, ни с кем не общаться! Все ясно?

– Так точно! – кивнул Егорыч и пошел к себе в номер.

Он лег прямо в одежде на кровать, уставился влажными глазами в потолок. Через десять минут в дверь постучали. Егорыч поднялся и, не приглаживая поднявшийся за затылке хохолок, отпер дверь. В проеме стояла горничная, держа в руках газету с изображением Егорыча. Она что-то стала быстро говорить, улыбаться. Егорыч, ничего не понимая, пожимал плечами и печально смотрел на женщину. Но она втокнула Егорыча в номер и достала из-за пазухи шариковую ручку. Егорыч догадался, что от него требуют автограф, и стал энергично крутить головой, отказываясь от подписи.

– Нет, нет, – говорил он, – это ошибка. Это не я! Это – Власин!

Но горничная не понимала и только умоляюще складывала руки на груди. Егорыч вздохнул в отчаянии и подписал фотографию в газете куцей закорючкой, лишь очень отдаленно напоминающей его подпись. Горничная радостно взвизгнула, подпрыгнула и исчезла с газетой и ручкой за дверь. Егорыч не успел вернуться на кровать, как в дверь опять несмело постучали. Он нажал на ручку и потянул на себя. В комнату решительно вошли трое молодых людей, один в мундире гостиничного боя, с круглой шапочкой на голове. Все трое держали в руках различные выпуски газет, с первых страниц которых разевал рот Егорыч.

Он махнул рукой, схватил первую же протянутую ему ручку и быстро расписался на своих портретах. Все трое, улыбаясь, закивали и вышли. Егорыч выглянул в коридор. К его номеру приближались несколько девушек и высокий парень с фотоаппаратом. Егорыч попытался захлопнуть дверь, но был ослеплен вспышкой и откинут в сторону крупной девушкой, шедшей впереди всех. Егорыча схватили за руки и втокнули в комнату. Девушки силой усадили его на застеленную постель и с ногами забрались в нее. Одна из них обхватила Егорыча за шею, вторая прижалась к его груди, а толстуха тяжело присела на худенькое Егорычево колено.

Фотограф несколько раз щелкнул объективом, продолжая ослеплять героя фоторепортажа яркими вспышками. Толстуха впиалась губами в серую мятую Егорычеву щеку, фотоаппарат вновь щелкнул. Егорыч пытался отбиваться, но его зажали со всех сторон крепко. Вдруг толстуха взяла фотоаппарат, а Егорыча обнял фотограф. Это было уже слишком, и Егорыч заорал:

– Пошли вон! Сволочи! Полицию позову! Посла сюда! Помогите!

Но фотоаппарат все щелкал и щелкал. Когда все так же быстро удалились, как и появились, Егорыч почувствовал себя опустошенным, почти изнасилованным. В дверь опять постучали, властно и требовательно. Егорыч схватил в руки одежную щетку, рывком открыл дверь и что есть силы вlepил щеткой по ближайшему лбу. Лоб принадлежал тому самому мужчине с сизыми пустыми глазами, что призван был наблюдать за Егорычем в гостинице. Тот от неожиданности открыл рот, отступил назад и рухнул на пол. Второй мужчина, которого Егорыч раньше не видел, отскочил в сторону и изготовился к обороне. Лицо его было напряжено, движения пластичные, хищные. Егорыч схватился за голову.

– Черт! Черт! Я не хотел! Думал... репортеры, хулиганы! Они меня достали, сволочи!

Тот, что сел на пол от удара щеткой, очумело крутил головой. В сизых глазах появилась некая мысль – растерянность, сменяемая злобой и болью.

– Ты даешь, мужик!

– Извини, брат! – нагнулся над ним Егорыч. – Ошибочка вышла!

– Ты больше так не ошибайся! – попросил с угрозой в голосе сидевший на полу. Он поднялся и примирительно махнул рукой второму мужчине. – Я своего коллегу привел тебе представить. Меня обратно вызывают, а внизу он будет.

– Да вы заходите, ребята! Выпьем чего-нибудь. Русские же люди!

Но мужчины как-то совсем одинаково ухмыльнулись: они вновь стали похожи друг на друга – серые, с пустыми глазами, со спесивыми ухмылками.

– Из номера не выходить, дверь никому не открывать! – распорядился новый надсмотрщик. Он втокнул Егорыча в номер и закрыл дверь, потянув ее на себя.

Егорыч опять остался один. Он подошел к окну и посмотрел вниз. На противоположной стороне стояли несколько фотографов и одна телекамера. Увидев в окне Егорыча, они защелками фотоаппаратами, а камера засветилась красным огоньком. Егорыч устало махнул рукой и отошел от окна.

Глава 11

Генерал Андрей Сергеевич Сергеев сидел в своей «рубке» на борту посольской «субмарины» и задумчиво вертел в руках карандаш с обломанным грифелем. Из Центра только что пришла шифровка с распоряжением «упаковать» полковника Власина и доставить в Москву с надежным сопровождением. Первоначально следовало отправить туда жену, а полковника запереть в посольстве. Потом, по всем правилам, надо было бы принять у него дела, отобрать паспорт и привезти в аэропорт. На «аэрофлотовском» рейсе ему и сопровождающим его «гориллам» в первом салоне необходимо отвести места.

Не хотелось резиденту выполнять указание Центра. И не потому, что ему нравился Саша Власин, и не потому, что некому было работать, так сказать, «в поле», а потому, что на освободившееся место непременно должны были прислать некоего Заболоцкого, племянника председателя их Организации. А этот самый Заболоцкий, молодой полковник, явно направлялся не столько на место Власина, сколько на замену самого резидента. Значит, быть ему и молодым генералом! В Центре давно ожидали провала хотя бы одного из старших офицеров резидентуры, чтобы произвести инъекцию этим самым Заболоцким в самое мягкое место службы.

И вот, на тебе! Какой-то там рыбак, черт бы его побрал, вдруг вспомнил, и, видимо, не без помощи полковника Власина, о своих заслугах в сфере советско-французских отношений. Вылез, идиот, на все первые полосы и оставил далеко в арьергарде нынешние события! Горбачев, получается, мелкий политический интриган эпохи рыбачка Артура Петрова. Прямо, анекдот какой-то! А Власин-то, Власин-то каков! Надо же, учудил! И как такое в голову пришло!?

Но отправлять его в Москву не хотелось! Нельзя отправлять, потому что следом за ним поедет он, старый волк внешней разведки. И тогда – тупик. Быстрая пенсия, скромная дачка в Подмосковье, квартирка на Вернадского и ржавый «Жигуленок» в гараже. В лучшем случае «Волга»! Невыездной ветеран! Адью, Париж! Адью, валюта! Адью, уютная квартирка на бульваре Сен-Жермен, белый «Ситроен», посольская вилла в предместьях города, отпуск на Женевском озере или на Лазурном берегу! Адью, Франция!

Ни за что! Катитесь вы со своим Центром к чертовой большевистской бабушке! Кланяйтесь своим богам сами! Облизывайте собственных святых! А мы еще подержимся! Еще повоюем!

Генерал Сергеев встал, подошел к железному ящику, набрал шифр на замке и потянул на себя тяжелую дверку. С верхней полки взял толстую красную папку, в правом верхнем углу которой было начертано: «Совершенно Секретно», под верхним обрезом: «КГБ СССР», а под ним: «Личное дело – полковник А. В. Власин». В центре – герб в виде щита и меча и большая звезда с серпом и молотом.

Сергеев запер сейф, подошел к столу и вновь сел в кресло. Он положил папку перед собой, задумчиво разгладил обложку и потянул за концы тесемки, скреплявшей папку. Первым же документом оказался рапорт полковника Власина о провале работы с агентом «Бальзак». В рапорте было сказано, что дело агента надлежит сдать в архив и отправить в Центр.

Генерал вдруг просветлел лицом. Он резко поднялся, подошел к сейфу, вновь набрал кодовый номер и распахнул дверцу. На нижней полке лежало дело агента «Бальзак» с прикрепленным к обложке «постановлением о передаче дела в архив». Не доставало лишь подписи самого генерала, утверждавшей решение полковника Власина.

– Ее и не будет! Не будет подписи! Франция будет! И никаких тебе Заболоцких! Ишь, в Париж ему захотелось! Пусть в Лондон летит, или в Вашингтон, Нью-Йорк, Мадрид, Рим! Да мало ли куда! Пусть убирается туда, где нет... суперагента «Бальзака»!

Генерал выдрал «постановление» и подошел к резаку, что стоял на тумбе в углу комнаты. Тот хищно зарычал и в мгновение ока переварил белый лист в тонкую лапшу. Сергеев поднял трубку внутренней связи и коротко бросил дежурному:

– Власина ко мне! Живо!

Власин появился секунд через двадцать, словно стоял под дверью.

– Быстро ты! Ждал, что ли?

– Так точно, товарищ генерал. У себя был, рядышком.

– Молодец, полковник. Ты обедал?

Власин растерянно пожал плечами – такой заботы о нем резидент еще никогда не проявлял.

– Вот и славненько, вот и славненько! – заулыбался генерал, взял дело Власина и «Бальзака» и торопливо сунул их в сейф.

– Тут одно местечко есть. Тихонькое такое. Составь компанию, полковник.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

– Да что мы все, как чужие. Забыл, как меня звать?

– Никак нет, товарищ генерал...

– Ну, вот опять!

– Виноват... э... э... Андрей Сергеевич.

– Ну, наконец, вспомнил. Пойдем, Саша, перекусим чего-нибудь туземного. А то мне наша посольская столовка вот уже где! – Резидент провел ребром ладони по горлу. – Скажешь, непатриотично?

– Не скажу.

– И правильно сделаешь.

Местечко с туземной кухней оказалось скромным ресторанчиком в ближнем пригороде Дефанса, на узкой улочке, с одной стороны которой был местный рынок, а с другой начинался деловой центр с небоскребами. Власину этот район был хорошо знаком, потому что именно в этих местах он чаще всего встречался с агентами, в том числе с «Бальзаком».

В основном здесь жили эмигранты из Северной Африки. Попадались, правда, и русские, и поляки. Десятки дешевых гостиниц, кафе, ресторанчиков и закусочных ютились в тупичках и переулочках. Маленькие автомобили теснились на обочинах улиц, упираясь друг в друга бамперами. Иной раз Власин с любопытством наблюдал, как кто-нибудь втискивал свою машину в узкую щель между двумя другими автомобилями. Машины расталкивались бамперами взад и вперед, вдавливались в щель, царапая крылья и кроша подфарники. Это никого не беспокоило. Страховые общества за такие раны на железных телах автомобилей ответственности не несли.

Андрей Сергеевич поступил так же: он толкнул передним бампером старенький «Рено», а потом боднул задним горбатый «Фольксваген».

– Порядок, – сказал он, и, выходя, осмотрел результат своей работы, словно скульптор.

По лицу было видно, что ему понравилось. Он улыбнулся и подхватил Власина под руку.

Ресторанчиком управлял мсье Андрэ.

– Привет, тезка! – крикнул ему генерал.

Тот выскочил из-за конторки и, кланяясь, стал жать резиденту руку.

– Давно вас не было, мсье. Я уж думал, вы уехали...

– Не дождетесь! – засмеялся генерал.

Резидент и Власин уселись за дальний столик, друг напротив друга. Андрэ обвел глазами зал и виновато сказал:

– Посетителей нет. Не сезон, мсье. Вы сегодня первый.

– Это с утра-то?

Андрэ тяжело вздохнул.

– Ваши дела идут неважно, Андрэ.

– Такие времена. Кризис. Но я уже переживал нечто подобное... лет пятнадцать назад. И это переживем. Закажете аперитив?

– А как же! Давай «пастис», двойной. Лед отдельно, Андрэ! А то напихаете в стакан!

– Я помню, мсье, вы русский! Лед отдельно!

– Умница. На горячее что-нибудь по вашему усмотрению.

– Хорошо, мсье. Индейка подойдет? Фирменное блюдо нашего повара, мсье Салье.

– Пусть будет фирменное. Фромаж на десерт. Как обычно. И вино! То самое... Ваше.

– О да, мсье! Только белое сухое. Вы правы. Тут одна русская приходила... красавица. Просто картинка! А к мясу заказала десертное сладкое. У мсье Салье случился сердечный приступ. Но дама настаивала. Прямо скандал!

Генерал засмеялся и похлопал Андрэ по плечу. Тот печально улыбнулся и исчез.

– Вот таковы местные нравы, Саша! Собственно, тебе это не хуже меня известно. Привык, небось?

– Привык.

– Придется отвыкать.

Это было сказано хмуро и веско. Генерал поднял голову и посмотрел Власину прямо в глаза. Полковник сощурился и немного побледнел.

– Скандал с рыбой? – спросил он сдавленным голосом.

– Это лишь повод. Не было бы рыбы, был бы слон.

– Какой слон?

– Все равно какой! Сам знаешь...

– Дело во мне?

– Нет. Во мне.

Власин удивленно дернул бровью. В этот момент Андрэ принес поднос с пастисом и льдом. Он быстро все расставил. Русские сидели молча, ожидая, когда француз отойдет.

– Выпьем? – предложил Андрей Сергеевич и приподнял свой стакан с коричневым напитком, пряно пахнущим анисом.

– Выпьем, – выдохнул Власин.

Они чокнулись и отпили ровно по половине. Генерал удовлетворенно причмокнул, примеряясь, посмотрел на свой стакан и крикнул Андрэ:

– Дружище, приготовьте еще по порции, пожалуйста! Так вот, дело во мне. Тебе такой тип Заболоцкий известен?

– Слышал. Племянник, вроде бы, председателя.

– Не «вроде бы», а самый что ни на есть племянник. И собираются этого Заболоцкого прислать на твое место, а потом и меня подвинуть. Эдак месяца через три. Устраивает такой поворот дела?

Власин пожал плечами и опустил глаза. Он никогда не был откровенен с резидентом, побаивался его. И не без оснований. Поговаривали, что генеральские погоны легли на его широкие плечи каким-то весьма деликатным образом: «подсидел» кого-то то ли в Женеве, в нашей миссии при ООН, то ли в Нью-Йорке, в такой же миссии. Во всяком случае, оперативники рядом с ним подолгу не задерживались: чуть что – и в Москву, в сопровождении «горилл». Мастер провокаций!

– Ты не дергайся, полковник. Вернемся, я тебе документик один покажу. А сейчас поверь на слово – тебя приказано «упаковать» и вернуть в Центр. Черным по белому! Это знаю только я и шифровальщик. Пока.

– Что делать! Приказано – пакуйте.

– А как же! И упакуем! Жене твоей на сборы сутки. И все, брат! Слышал о сокращении?

– Слышал.

– А ты еще чего-нибудь, кроме... этого... умеешь делать?

– Кроме чего?

– Шпионить! – генерал сказал это зло, твердо.

Власин рефлекторно заоглядывался. Но в ресторанчике по-прежнему никого не было. Только издали к столику шел Андрэ с очередным подносом.

– Давай выпьем, Саша. А то для новой порции на столе места не останется, – предложил Андрей Сергеевич.

Андрэ ловко заменил стаканы и исчез за конторкой.

– Знаю, какие обо мне слухи ходят, – продолжил резидент. – И верно ходят. У меня мышшь не проскочит. Так что ты на меня в этом деле полагись. Хочешь не хочешь, мы с тобой сейчас союзники. Посуди сам: на кой черт мне надо твою шкуру спасти!?

– Вот именно...

– Соображаешь? Просто мы с тобой нынче как сиамские близнецы. Куда тебя, туда и меня!

Власин кивнул и уставился в тарелку. Ему подумалось, что один раз он уже был в таком положении. Тогда, в Томске, когда везли эту треклятую рыбу, полковник Смолянский, должно быть, так же комбинировал. И почему все это достается ему, Власину? Чем это он заслужил?

– Твои взгляды, Саша, – продолжал генерал, – на жизнь, так сказать, мне доподлинно известны. Думаешь, там, в Центре, в отношении тебя питают иллюзии? Они ведь как думают? Если разведчик, прослуживший за рубежом десяток лет, талдычит то же самое, что и до отъезда в командировку, значит, он или круглый идиот или подлец последней марки. Если идиот – это еще куда ни шло, а если подлец – жди беды! Вот и держат этот главный вопрос на крайний случай. Как ни ответь, все плохо! А твоё время, Власин, как раз поспело.

– И ваше?

– О чем я и толкую тебе, сиамский мой близнец.

– Что вы предлагаете? – Власин напрягся и решительно посмотрел генералу в лицо.

– Не то, что ты подумал, полковник, – засмеялся Андрей Сергеевич. – Родину предавать я тебя не вербую. Это всегда в одиночку делается. На кой черт ты мне сдался! Что, у тебя есть секреты, которых я не знаю?

Власин покачал головой.

– Впрочем, был один, – улыбнулся генерал. – Про рыбную карьеру мне в самом деле ничего известно не было. Если бы не твой Петров, как его там...

– Артур Егорович.

– Во-во, Егорыч этот, я так бы и остался в неведении.

– И что же теперь?

– Мысль одна есть. Пикантная.

К столику подошел Андрэ с огромным подносом с двумя тарелками, на которых захлебывались паром жирные куски индейки.

– Давай-ка, брат, сначала с пернатыми разберемся, а потом к нашим делам приступим. Уж очень я голоден! А когда я голоден, на дороге не стой...

Глава 12

Егорыч сидел в автобусе мрачный и трезвый. Репортеры, погрузившие свои вещи, будто назло ему, балагурили и весело шумели рядом. У выхода стоял суровый тип из посольства. Он строго поглядывал на всех, останавливая тяжелый взгляд на Егорыче. Журналистов и операторов везли в аэропорт – должны были устроить на борту специального рейса и всех вместе вернуть в Москву. Егорыч, в отличие от коллег, летел в неизвестность. Скорее всего, его ждало увольнение или, в лучшем случае, перевод на «невъездную» работу и постепенное забвение. Так подступала старость, дыша в лицо тоской и одиночеством.

В последний момент на ступеньку автобуса вскочил Власин, запыхавшийся и порозовевший от быстрой ходьбы. Он окинул всех взглядом и, увидев Егорыча, призывно махнул ему рукой. Егорыч встал и, ненароком задевая всех, до кого сумел дотянуться, стал пробираться к выходу. Перед ним вырос сопровождающий тип из посольства и выпятил мощную грудь. Егорыч попытался нырнуть под руку, оттолкнуть молодого «дипломата», но тот, готовый к агрессивным поступкам вероятных «невозвращенцев», выстоял. Причем ни один мускул не шевельнулся на его сухом лице, словно ничего не происходило.

Но в дело вмешался Саша Власин. Он дернул за рукав сопровождающего и что-то зашептал ему прямо в ухо. Тот слегка покраснел от нерешительности, вызванной, видимо, противоречивыми указаниями в отношении Артура Петрова. Поколебавшись пару секунд, он все же сообразил, что все распоряжения и приказы теряют силу перед последним.

Егорыч проскользнул мимо мощной груди и плоского живота сопровождающего и спрыгнул со ступенек на асфальт, где его ждал Власин. Тот подцепил Егорыча за рукав и потащил в сторону.

– Ты, брат, не паникуй! – зашептал Саша. – Не волнуйся, то есть! У тебя все будет в порядке!

– Как же в порядке, Сашок! – заволновался Егорыч. – Уволят же к чертовой бабушке! Под зад коленом и...

– Слушай, что я тебе говорю! – рассердился Власин. – Когда тебя начальство спросит, почему ты позволил себе пресс-конференцию во время государственного визита, скрой загадочную рожу и пробурчи что-нибудь вроде «так надо было!», и все.

– А они спросят, кому...

– Что кому?

– Кому надо!

– Говори: надо, мол, и все тут. Главное, солидности побольше! И уверенности в себе.

Напусти дыму...

– А дальше что?

– Жди. Награда найдет героя!

– Ты чего, издеваешься?

– И не думал. Не могу пока ничего объяснить, но ты будь уверен – все образуется. Да еще как образуется!

Он торопливо обнял Егорыча и мягко подтолкнул его в спину к автобусу. Егорыч растерянно обернулся, пожал плечам и забрался на высокую ступеньку. Он был последним. Дверь громко зашипела и захлопнулась. В салоне автобуса уже не было сопровождающего. Егорыч поискал его взглядом, но так и не обнаружил.

«А что, – подумал он, – может, Власин прав? Все образуется»...

Егорыч улыбнулся и сел на свободное место. За окнами буднично замелькал Париж. Егорычу стало нехорошо от пережитого. Подумалось о рыбе, сыгравшей в его жизни роковую

роль: она повела когда-то его в чистую и холодную акваторию успеха, она же теперь волокла в темные тяжелые воды одиночества.

Сдохла ведь, чудище хвостатое, а все тащит и тащит за собой его судьбу! Да и Сашкину, видать, тоже! Ну, рыбка попалась! Как из сказки: по щучьему велению, по моему хотению... А то так бы и лежал себе Емеля на печи да воздух портил.

Глава 13

Власин приехал на встречу с агентом в уютное, надменное кафе в стиле «хай-тек», рядом со столь же уютным центром Жоржа Помпиду. «Бальзак» уже ждал Власина, взволнованный и чуть испуганный. Успокаивался лишь одним – ликвидировать его рядом с «Помпиду» не посмело бы даже жестокое и коварное КГБ. Для этого, на его взгляд, в Париже нашлось бы немало куда более глухих мест.

Власин сразу увидел «Бальзака» и направился к нему. Сел за его столик и лучезарно улыбнулся. Агент нервно сглотнул слюну и вытянул шею – таких улыбок на лице хозяина ему еще видеть не приходилось.

– Что случилось? – нервно спросил он. – Такой неожиданный вызов!

– Все в порядке, дорогой друг. У вас все в порядке!

– Я никуда не звонил и никому не жаловался, мсье! Я не виноват. Тогда просто выпил лишнего, ну и... наболтал...

– Это хорошо! Это очень хорошо!

Власин окинул взглядом кафе и кивнул официанту. Тот не замедлил подойти.

– «Пастис», двойной, – велел Власин.

Официант удивился заказу – в такое время суток и двойной «пастис»! Мсье, видимо, иностранец. Бог с ними, пусть пьют, что хотят... придурки!

«Бальзак» отхлебнул кофе из чашечки и закурил, нервно теребя сигарету.

– Вы напрасно нервничаете, дорогой друг! – улыбнулся Власин. – Мы рассмотрели вашу просьбу и... согласились, что она небезосновательна. Правда...

Агент от удивления открыл рот, из которого неровными кольцами пополз дым.

– Есть одна просьба... – замялся Власин, – небольшая коррекция...

– Я вас слушаю, мсье.

– Эту сумму мы выплатим полностью, но в течение года. Сразу нам ее не осилить. И еще...

– Да, да, пожалуйста! – оживился «Бальзак». – Я весь внимание!

– Нам придется время от времени встречаться и говорить на некоторые темы, интересные тех, кто готов выплатить вам деньги. Что скажете?

– О, да, конечно, мсье! Я всегда готов. Мой долг, мсье...

Официант принес выпивку, холодно поставил перед Власиным и удалился.

– Видите ли, мой друг, обстоятельства несколько изменились. Реальность новых отношений диктует свои правила. Простите за неловкость фразы...

– Я вас понимаю, мсье. «Мы» больше не враги, не так ли?

– Именно! Именно! У нас теперь другие задачи – оказывать помощь нашим государствам в правильном понимании вещей. У нас перестройка, гласность. Слышали о рыбе? – вдруг спросил Власин и прямо взглянул в глаза агенту.

– О какой рыбе? – растерялся агент от неожиданного поворота темы.

– О гигантской.

– Простите, мсье Власин, но... я не понимаю.

– Ну, как же! На днях вся ваша пресса рассказывала о том, как некто мсье Петров вместе с группой товарищей извлек из сибирской реки гигантскую рыбу и подарил ее генералу де Голлю. Разве вы не слышали?

– Ну, конечно же, конечно! Но какое это имеет ко мне отношение? Я даже не видел этой рыбы...

– И не увидите. Она сдохла. Но нас интересует кое-что...

– Я слушаю.

– По нашим данным, в свое время американские спецслужбы уделили операции по отлову рыбы особое, пристальное внимание. Их агент и на этот раз присутствовал на пресс-конференции и, более того, пытался развернуть все таким образом, чтобы на свет выплыла история с поставкой в Париж секретной ракеты вместо контейнера с рыбой.

– А что, такое было? – оживился агент-репортер.

– Было. Но нам удалось тогда провести параллельные мероприятия, которые отвлекли внимание американцев. Так что рыбу все-таки доставили в Париж.

– А ракета?

– То-то и оно. Я вижу, вы начали думать, мой друг!

– Я по-прежнему ничего не понимаю!

– Нужно выяснить, кто был заинтересован в скандале вокруг этого забытого всеми «подарка». Мы провели эту акцию неслучайно. Понимаете?

– Какую акцию? – опешил агент-репортер.

– Пресс-конференцию, черт вас подери! Нужно было «засветить», так сказать, противника, раскрыть его замысел. Он попался! Вылез со своим вопросом. А ведь вам известно, что порой вопросы обходятся дороже ответов.

– Возможно. Но что я должен делать, мсье?

– Мне нужно знать, как отреагировала общественность на пресс-конференцию. Замечены ли интерес американцев к поставке в Париж контейнера и, главное, с кем поддерживает деловые и личные отношения тот американский репортер.

– Это так важно? – не смог скрыть удивления «Бальзак». – Кому это нужно, мсье?

– Всем. И Франции, и Советскому Союзу. Это нужно будущим поколениям. Речь идет о вопросе планетарного значения, друг мой! К сожалению, я не все могу вам объяснить, но... главное вам известно: кому-то выгоден сейчас скандал, связанный с советско-французскими отношениями в области высоких технологий. И в результате блестяще проведенной операции нам удалось выявить первое звено. Предстоит работа. Серьезная, долгая и очень затратная. Мы готовы. А вы?

– О да, мсье. Затратная. Теперь я понимаю. Рыба – всего лишь повод, главное скрыто от глаз...

– Умница! Надеюсь, теперь недоразумение, возникшее между нами, исчерпано. И в подтверждение этого примите первую выплату. Деньги в конверте, конверт под обложкой журнала. – Власин положил перед французом журнал «Пари матч» и поднялся. Одновременно он кинул на стол мятую купюру в оплату за недопитый «пастис» и чашку кофе агента. – Связь как обычно. Жду сообщений. Не торопитесь, все обдумайте, но и не задерживайтесь... слишком долго.

С этими словами Власин покинул кафе вблизи центра имени Жоржа Помпиду.

Операция «Пальма-два» набирала ход. Дохлая рыба продолжала метать «икру», куда более дорогую, чем выношенная ею когда-то в глубоководной сибирской реке.

Глава 14

Секретарь шефа солидного московского бюро «Агентства» была, как всегда, холодна, неприступна и издевательски вежлива. О таких говорят: «профессиональная сукретарша». Егорыч с этим определением в отношении Любови Олеговны Кошельковой был не согласен принципиально. Он называл ее: «сукретной профессионалкой» или «сукреткой», потому что знал: она состоит на внештатной службе в КГБ в качестве постоянного стукача и делает это не во имя вознаграждения и сомнительной внутриведомственной «славы», а из соображений человеконенавистнических и откровенно подлых. Егорыч ее боялся, как сухое дерево должно бояться огня.

«Сукретка», высокая дама лет тридцати семи, с темно-каштановыми, убранными в пук волосами, высокой полной грудью и тонкой талией, ходила, соблазнительно отключивая круглый зад. Глаза были чуть уже, чем принято у европеоидной расы, на длинном остром носу торчали очки с желтой металлической дужкой по верхнему срезу стекол. Губы, тонкие и контрастно очерченные, были всегда плотно сжаты. Кожа имела серый оттенок, с постоянными следами удаленных выдавливанием угрей и мелких прыщей. «Сукретка» от этого, вероятно, серьезно страдала, что не могло не сказаться на ее характере и отношении ко всему человечеству, которое, вне всяких ее сомнений, злорадно всматривалось в изъяны ее кожи. По этой причине на этот народ она тоже стучала.

Егорыч протянул Кошельковой небольшой аккуратненький пакетик с парижским сувениром и несмело улыбнулся, даже не надеясь, что «сукретка» оценит его обаятельную натуру.

Кошелькова брезгливо отодвинула от себя пакетик и мрачно бросила:

– Эйфелева дура?

– Она, – выдохнул в отчаянии Егорыч. – А как вы догадались? Такая пронизательность. Даже не развернули.

– А чего тут догадываться. Вы, Петров, человек стандартный, скучный, предсказуемый. Оценить в состоянии только все большое и банальное. Самым банальным и большим в Европе всегда была, есть и будет Эйфелева башня. Всю вам, конечно, не дотащить, а ее примитивную копию можно купить за потертый франк в любом киоске или даже с рук под самим оригиналом. Верно?

– Верно, – испуганно согласился Егорыч.

– Значит, здесь «Эйфелева дура» в сувенирную величину.

Егорыч обреченно кивнул.

– Что надо? – приступила к делу Кошелькова.

– К шефу... с личным визитом, так сказать.

– Шефа нет и не будет... пока.

– Что мне делать, Любовь Олеговна, миленькая? – пролепетал Петров.

– Миленькая дома, а здесь – служба, Артур Егорович. Вам ясно?

– Так точно, э... э... ясно...

– Идите к себе. Как только шеф появится, позвоню. Никуда надолго не отлучайтесь.

– Слушаюсь. Я только в туалет и чайку.

– Делайте, что хотите, рыбачок вы наш ненаглядный.

Последняя фраза добила Егорыча. Он поник головой. «Сукретка» нагло ухмылялась, глядя на него исподлобья, буравя взглядом над металлической дужкой своих очков. Она знала все!

Егорыч вышел из приемной и побрел к себе. В одной комнате с ним сидели еще трое корреспондентов. Они редко собирались вместе – то командировки, то отпуск, то болезни. На этот раз, как назло, все сидели за своими столами и с усмешкой поглядывали на бледного

Егорыча. Он со вздохом достал из портфеля бутылку вина и поставил ее на журнальный столик в углу комнатки.

– Вот... из Парижа.

– А закусим рыбкой? – давясь от смеха, спросил Веня Кукин, корреспондент по странам Восточной Европы.

Веня якобы владел тремя балканскими языками, но ни разу никто из коллег не сумел оценить, что значило в его анкете слово «владел», так как никто никогда от него и слова на тех языках не слышал. Веня, тем не менее, постоянно ездил в Белград, Скопие, Софию и Тирану, привозил оттуда крепкую душистую водку ракию, и все вместе выпивали ее под немудреную русскую закуску – кусок колбасы и горбушку хлеба. Это была единственная плоскость профессионального общения с Веней.

– Рыбка у каждого своя! – зло ответил Егорыч и плюхнулся на свой стул. Он нервно раскидал по столу несвежие газеты и сдвинул на кончик носа очки.

– Ладно тебе, старина! – примирительно забормотал Кирилл Немочев, корреспондент по Чехословакии и Венгрии. – Бывает! Ну, приврал маленько! Махнул лишку! Рассосется.

Кириллу этот грех был свойствен самому. Однажды он, подменяя в Праге постоянного корреспондента (тот лежал в больнице с острым аппендицитом), слал в Москву интервью со всеми сколько бы то ни было значимыми политическими лидерами страны. Интервью перепечатывались центральными и периферийными советскими изданиями. И только спустя месяц стало известно, причем совершенно случайно, что Немочев в глаза не видел ни одного солидного и значимого чеха или словака, а все время беспробудно пил конопляную чешскую водку в каком-то глухом уголке старой Праги. По вечерам он, протрезвев на час-полтора, просматривал газеты, делал оттуда выписки, и «вставлял» в уста крупных политиков пока еще не высказанные ими слова. Вставлял так лихо и так точно, что они не смели отказаться от них. В противном случае им пришлось бы придумывать нечто другое, а это в условиях социалистической народной демократии было делом рискованным. Немочеву все спустили, даже кулуарно похвалили за находчивость.

– Ничего я не махнул! Так надо было! – буркнул Егорыч, вспомнив наставления Власина.

– Надо, так надо! – встрял в разговор Матвей Дворкин, единственный еврей во всей редакции.

Он работал здесь потому, что начальник отдела кадров был женат на тетке его отчима по второму или третьему браку матери. Многие безуспешно пытались разобраться в сложной генеалогии рода Дворкиных, спотыкаясь на туманных намеках и загадочных порогах. Дворкин занимался странами арабского востока. Предполагалось, что этим самым утверждались общие клановые корни ближневосточных соседей или, напротив, разделялись глубокой и гулкой пропастью. Дворкин при этом пространно рассуждал на тему векового «пупа земли» и «обетованности» тамошних пустынь.

– Именно, что надо! – буркнул Егорыч и углубился в чтение старых газет, которыми был завален его стол.

– Ладно тебе, Артурчик! – улыбнулся Немочев. – Давай лучше выпьем. Вон ведь вино привез... из самого Парижа.

– Оттуда. Вы пейте, а я погожу, – отозвался Егорыч.

– Чего так? – удивился Веня Кукин, привыкший к тому, что Егорыч не упускал малейшей возможности выпить.

– Жду вызова... к шефу.

– Ну, жди. А мы выпьем... за твое здоровье.

Егорыч кивнул и отвернулся. Он слышал, как хлопнула пробка, и сглотнул слюну. В этот момент и зазвонил местный телефон. Кукин сорвал трубку и промурлыкал в нее: «Ага, ага, сейчас будет». Он выразительно посмотрел на Егорыча и закатил кверху глаза. Егорыч поблед-

нел и приподнялся. Потом быстро схватил портфель, в котором что-то выразительно звякнуло, и выскочил из комнаты.

– Две бутылки конька, – констатировал Дворкин ему вслед.

Все согласно кивнули.

Егорыч бежал по коридору, тяжело дыша. Он ворвался в приемную и замер перед Кошельковой.

– Садитесь сюда, – велела она, кивнув на глубокое кожаное кресло возле окна. – Шеф примет, как только освободится.

– Спасибо, спасибо, Любовь Олеговна.

Егорыч присел на краешек кожаного сидения. Портфель аккуратно, чтобы не выдать содержимое, поставил у левой ноги. «Сукретка» покосилась на портфель и тихо произнесла:

– «Камю», две бутылки по ноль-пять.

Егорыч разинул рот от удивления. Проницательность Кошельковой начинала отдавать мистицизмом.

– А как вы поняли?!

– Да все так же, уважаемый товарищ Петров. «Камю» – вам по карману – не самый дешевый, но и не самый дорогой. Наиболее распространенная тара – пол-литра. Если бы была одна бутылка, вы бы не старались поставить портфель так, чтобы бутылки не звякнули друг о друга. Стало быть, их две. На большее вас бы не хватило, да и ни к чему. А еще там – духи. Скорее всего, «Шанель номер пять». Для супруги шефа. Ведь так?

– Так! – упавшим голосом подтвердил Егорыч. – А это-то как?

– Проще простого, дорогой вы мой. Супруге шефа все возят подарки, причем всегда одни и те же – духи. Подарить нефранцузские неприлично. Значит, у вас французские. Тем более, вы только что оттуда. Как я уже говорила, с воображением у вас не очень...

Егорыч засмутился и пожал плечами.

– Ну, так вот, в известной советской комедии «ищейка» обнюхивает какую-то бумажку и произносит «Шанель номер пять». Вы этот фильм видели, по крайней мере, раз двадцать, а то и больше. Ничего другого о парфюмерной промышленности Франции среднему советскому человеку с тех пор не известно. Значит, купили «Шанель номер пять». Два пузырька. Своей супруге и жене шефа. Угадала?

Егорыч кивнул и вспотел. Вытащил из кармана платок, обтер лоб и за ушами.

– В другой раз, если другой раз будет... – со злым намеком прошипела «сукретка», – покупайте три флакона. Ясно?

– Ясно. Виноват! – пролепетал Егорыч. – Я и завтра могу. Жене не нужно. У нее много есть... этого... разного.

– Ну-ну...

Егорыч облегченно вздохнул. Кажется, дело пошло на лад. А с этой стервой ухо надо держать остро! Мистика какая-то! Егорыч не замечал, что жил по давно утвержденным лекалам. Ему казалось, его судьба хранит собственный уникальный отпечаток, что она обладает своими тайнами и секретами и что разгадать их посторонний ум не в состоянии. Егорыч, как и тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы его соотечественников существовал в жестких, почти математических, пределах «советского стандарта», с одним лишь частным отличием, каковое определялось его персональным местом на социальной линейке, на ясной и прямой цифровой шкале. Понимание этого выходило далеко за рамки его представлений об устройстве общества, как советского, так и любого другого. «Сукретка» же точно определяла цифровое значение личности, не допуская ошибок и сомнений.

От шефа никто не вышел, на столе у «сукретки» не зазвонил телефон, не вспыхнула лампочка, но она вдруг взглянула на Егорыча и процедила:

– Можете заходить. Недолго. Шеф занят.

Это было похоже на сговор против Егорыча. Он торопливо вскочил, звякнул бутылками в портфеле и быстро приоткрыл дверь. За ней, как и ожидалось, была вторая. Тяжело вздохнув в темном и душном, как чулан, междверном пространстве, Егорыч нажал на ручку. Дверь с трудом поддалась.

В обширном кабинете за большим столом сидел шеф. Егорыч несмело кашлянул, шеф поднял на него глаза и вдруг широко и радушно заулыбался. Егорыч, не зная как себя вести, смущенно шагнул вперед.

Глава 15

Егорыч сидел дома в кресле, хмельной и разомлевший. Жена хлопотала вокруг него, пытаясь выудить, что именно привело его в такое состояние. Егорыч лишь загадочно улыбался и, отталкивая супругу, озорно пытался ущипнуть ее. Она отбивалась и прикрикивала на мужа:

– Да прекрати ты, нахал! Что удумал! Ты чего такой веселый? Случилось что?

– Случилось. Еще как случилось! Во Сашка дает! Ну, Власин, ну, пройдоха, черт его побери! Одно слово – рыцарь революции!

– Да говори ж ты, Артурчик, что стряслось!

Егорыч захихикал, вскочил на ноги и обхватил жену за давно располневшую талию. Ему удалось закружить ее и даже повалить на диван. Она оттолкнула мужа и, поправляя прическу, встала.

– Ты наглец! Грубиян! Охальник!

– Я – герой! А ты – супруга героя! Боевая подруга, можно сказать.

– Интересно, с чего это ты герой! Выпил лишнего?

– Выпил, но не лишнего, а ровно столько, сколько угостил меня шеф... из своих запасов. Подарочек взял, а меня из початой бутылочки... Знаешь, для кого ее раскупорили! Может, для самого... того... для этого... А он меня из нее... Бери, говорит, пей, дорогой товарищ! Сколько влезет, говорит! Вот так!

– С чего это он тебя угощать стал? – недоверчиво щурилась жена и искоса, с неудовольствием поглядывала на Артура.

– А вот с чего... – Егорыч вышел на середину комнаты, разгладил отворот пиджака и похлопал по нему ладонью. – Здесь, на этом месте, скоро, может, боевой орден появится.

– Да что ты! – изумилась жена и от слабости в ногах упала в кресло. – Ты чего еще натворил?

– Не натворил, а совершил! Операцию мы тут одну отчебучили с Власиным, в Париже. Врага, можно сказать, выявили. Я «первую скрипку» играл.

– Это ты про пресс-конференцию, что ли? А чего там такого-то? Подумаешь, эка невидаль!

– Глупый ты человек! – обиделся Егорыч. – Ничего не понимаешь. Да и не могу я тебе в подробностях... Секрет, государственная тайна, военная, можно сказать!

– Кто ж тебе сказал, что тебя к награде представят?

– Шеф. Ему оттуда звонили! – Егорыч поднял кверху палец и многозначительно поглядел в потолок. – Говорят, рассматривают вопрос о государственных наградах – мне, Власину и еще там кому-то... из наших.

– И что ж теперь? – испугалась жена.

– А ничего! Готовься к длительной и ответственной командировке.

– Куда? Куда тебя еще понесло?

– Не меня, а нас. В Женеву поедем. Шеф сказал, там ротация.

– Чего это?

– Смена состава, вот чего! Нам, говорит, такие скромные и умные люди, как ты, товарищ Артур Егорыч, во как нужны... – Петров провел ребром ладони по горлу и тяжело вздохнул. – Так что, месяца через два – ту-ту! В Швейцарию!

– А как же язык? Ты же с грехом пополам... по-немецки, три слова по-английски и одно ругательство по-французски.

– Все пригодится! Ничего даром не пропадет. Кого надо, ругнем, кому надо, три слова шепнем, а с кем надо, и грехом поделимся! Слыхала, чего шеф сказал – нам такие люди нужны! Ему-то лучше знать!

- Кто ж тебя так лелеет-то, Артурчик? Страшно-то как!
- Есть кому лелеять и ценить! Рыбка наша привет шлет! Вот кто!
- Какая рыбка?
- Та самая! Которая для президента...
- Ты что, еще одну поймал? – жена наивно посмотрела мужу в глаза.
- Зачем еще одну? Той достаточно! В Женеву собирайся!

Очень скоро Егорыча действительно пригласили на один из самых малопосещаемых посторонними ногами ковер и прикололи к отвороту пиджака медаль «За боевые заслуги» какой-то там начальной степени. Он в тот же вечер позвонил Власину в Париж и, захлебываясь от благодарности, выпалил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.